Финляндская окраина

в составѣ

Русскаго Государства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Бережливость», Невскій, д. № 139.
1906.

ФИНЛЯНДСКАЯ ОКРАИНА

ВЪ СОСТАВѢ

Русскаго Государства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Бережливость», Невскій, д. № 139.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

....„*Присоединивъ навсегда* Финляндію *къ Россіи,* съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійское *подданство*“....

„Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ *и единую Имперію* составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени восприяли *навсегда* свое мѣсто. Отъ сего великаго состава.... ничто отторгнуть ихъ не можетъ“.

(Изъ Манифеста 5 Іюля 1808 г.).

„Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ *покоренную,* Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда *къ Россійской Имперіи,* а вслѣдствіе того повелѣваемъ Мы принять отъ обывателей присягу на вѣрное *Престолу Нашему* подданство“.

(Изъ Манифеста 20 марта 1808 г.).

....„*Губерніи сіи*.... будутъ отнынѣ состоять въ Собственности и Державномъ обладаніи *Имперіи Россійской* и къ ней навсегда присоединяются“...

(Трактатъ 5 сент. 1809 г. въ гор. Фридрихсгамѣ, ст. IV).

I.

Значеніе Финляндіи для Россіи.

Финляндія занимаетъ крайній сѣверо-западъ Россіи и обнимаетъ площадь въ 5910 кв. м. съ населеніемъ въ 2.700.000 человѣкъ [1]), что составляетъ $1\frac{1}{2}$ % территоріи Россіи и около 2 % ея населенія. Несмотря на такую сравнительно небольшую часть, какъ общаго пространства, такъ и общаго населенія Имперіи, значеніе Финляндіи обусловливается ея географическимъ и въ особенности относительнымъ положеніемъ.

Протягиваясь до пограничныхъ морей и въ то же время удаляя сухопутную границу нашу на 925 верстъ, перенося ее съ рѣки Сестры на рѣку Торнео, она прикрываетъ весь сѣверъ государства до параллели Невы. Заключая въ себѣ весь сѣверъ и значительную часть восточнаго берега Финскаго залива, она обезпечиваетъ обладаніе тѣмъ „окномъ“, которое прорубилъ Петръ Великій въ Европу. Находясь у стѣнъ Петербурга, она играетъ столь важную роль по обезпеченію этого послѣдняго, что само существованіе его,

---

[1]) Изъ нихъ шведовъ 13,5 %, а финновъ—86 %.

какъ столицы, только и мыслимо при условіи полнаго владѣнія нами Финляндіей.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно представить себѣ Финляндію самостоятельною или принадлежащею какому-либо другому государству, чтобы убѣдиться насколько тяжелымъ явилось бы военное положеніе Имперіи. Мыслима-ли столица въ 30 верстахъ отъ сухопутной границы и въ нѣсколькихъ часахъ морского пути отъ стоянки чужого военнаго флота? Какія колоссальныя фортификаціонныя сооруженія были бы необходимы, чтобы надежно обезпечить за собою столицу, какія огромныя средства потребовалось бы затратить для этого; какія вооруженныя силы пришлось бы постоянно держать здѣсь наготовѣ, чтобы остаться спокойнымъ за тотъ пунктъ, который служитъ средоточіемъ всего государства!

Необходимость обладанія балтійскимъ побережьемъ, въ томъ числѣ и Финляндіей, для русскаго государства сознавалась изстари; съ этой точки зрѣнія смотрѣли на территорію сосѣдей финновъ давно русскіе цари и государственные дѣятели.

Уже при самомъ возникновеніи государства русскіе тѣснятъ кореловъ и эстовъ и овладѣваютъ ближайшими берегами Финскаго залива. Въ XII вѣкѣ въ Финляндію вторгаются шведы съ запада и постепенно овладѣваютъ всѣмъ ея пространствомъ. Отсюда возникла борьба за обладаніе Балтійскимъ моремъ; борьба, которая съ перерывами длится 7 вѣковъ, т. е. до 1809 года.

Ослабленіе Россіи, вслѣдствіе татарскаго ига, а затѣмъ—внутреннихъ неурядицъ, ведетъ къ успѣху шведовъ и мы послѣдовательно уступаемъ

сперва часть Кареліи (1323 г.), затѣмъ Выборгскую губернію (1609 г.) и далѣе южный берегъ Финскаго залива (1617 г.). Но послѣ того быстрый ростъ Россіи со временъ Петра Великаго отмѣчается цѣлымъ рядомъ нашихъ успѣховъ надъ шведами.

Петръ ведетъ со Швеціей гигантскую 20-лѣтнюю борьбу и при первыхъ же успѣхахъ закладываетъ на берегахъ Невы новую столицу Россіи. Со сдѣланными Петру уступками Швеція не желала примириться и въ 1741 г. война возобновилась. Въ результатѣ присоединеніе остальной площади нынѣшней Выборгской губерніи. Наконецъ, многовѣковая борьба со Швеціей оканчивается войною 1808—1809 г. По Фридрихсгамскому миру Финляндія пріобрѣтена вплоть до р. Торнео.

„Финляндія была нужна Россіи—сказалъ графъ Шуваловъ Наполеону I—таковъ былъ проектъ Петра, который безъ этого не создалъ бы столицы тамъ, гдѣ она нынѣ существуетъ". На одномъ изъ совѣщаній съ довѣренными лицами Александръ I просилъ П. К. Сухтелена указать наиболѣе выгодную шведо-русскую границу. П. К. Сухтеленъ провелъ на картѣ карандашемъ черту отъ г. Торнео до океана.

„Что это ты! Это ужъ слишкомъ много".

— „Ваше Величество требовали выгодной границы... другой безопасной и выгодной черты нѣтъ и быть не можетъ", —отвѣтилъ генералъ. И если Императоръ Александръ I потратилъ много времени и средствъ, чтобы закончить присоединеніе Финляндіи, то сдѣлалъ это, какъ сказано въ его манифестѣ, для „сохраненія безопасности госу-

дарства", а также для огражденія „покоя и благосостоянія здѣшней столицы", какъ значится въ рескриптѣ на имя московскаго военнаго губернатора (отъ 9 марта 1808 г.).

Балтійское море, несомнѣнно, арена будущихъ столкновеній съ нашими врагами; здѣсь они приложатъ старанія повредить Россіи, нападая на ея флотъ и города, блокируя берега, пытаясь произвести высадку. Изъ областей, прилегающихъ къ Балтикѣ, Финляндія, благодаря своей близости къ столицѣ, всегда станетъ привлекать вниманіе непріятелей. Для военныхъ операцій въ Финляндіи, съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій „ногою твердой сталъ при морѣ", непріятели постоянно будутъ имѣть очень серьезную цѣль.

Это относительное положеніе Финляндіи придаетъ ей, какъ окраинѣ, особенно важное значеніе; оригинальное-же политическое ея устройство увеличиваетъ его еще болѣе. Находясь на флангѣ открытыхъ путей къ столицѣ, она представляетъ вѣроятный районъ борьбы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ войнѣ приметъ участіе или одна изъ первостепенныхъ морскихъ державъ, или противъ Россіи выступитъ цѣлая коалиція; въ виду-же автономіи Финляндіи и недостатка прочной связи ея съ остальной Россіей, она, при своемъ инородномъ и иновѣрческомъ составѣ, можетъ вызвать стремленіе къ полному отторженію отъ Россіи.

Война 1854—1855 г.г. наглядно указала на ту роль, которую Финляндія можетъ играть въ періоды политическихъ осложненій. „Эту страну могутъ посѣтить могущественные враги и оттуда наносить Россіи сильные удары",—спѣшила заявить, вслѣдъ за Балтійской кампаніей, швед-

ская газета „Svensk Tidning“ (1856, №№ 98, 99 и 101). Въ 1863 году прошелъ слухъ о томъ, что западно-европейскія державы, собираясь напасть на Россію, избрали Финляндію мѣстомъ высадки и первыхъ своихъ операцій. Говорили также, что въ архивѣ французскаго штаба сохраняется планъ предполагавшейся войны. Подумайте,—восклицала недавно „Indépendance Belge“ (1903, 24 февр.), вспоминая событія 1854—1855 г.г.,—подумайте, какою силою явились-бы скандинавскіе войны, наводняющіе Финляндію и наступающіе къ Петербургу, при поддержкѣ флота трехъ державъ“.

Финляндія доступна, какъ для сухопутнаго вторженія, такъ и для десанта непріятеля. Ея физическія условія однако таковы, что даютъ значительный перевѣсъ оборонѣ. Размѣщенію войскъ она не благопріятствуетъ. Пропитанія большимъ арміямъ она не въ состояніи дать. Ея шхеры удобны для минныхъ загражденій; въ лабиринтѣ ея безчисленныхъ острововъ и заливовъ минныя суда найдутъ для себя укрытіе. При условіи нашего полнаго господства въ краѣ, ея пересѣченная мѣстность, и особенно внутренняя котловина, могутъ представить почти неодолимыя преграды для непріятеля.

Но, повторяемъ, лишь при условіи прочнаго и полнаго господства въ ней. Чрезвычайно серьезнымъ является, слѣдовательно, вопросъ объ отношеніи населенія Финляндіи къ войскамъ, обороняющимъ побережье. Если оно благопріятное, то даже серьезный успѣхъ десанта не можетъ быть опасенъ, такъ какъ долженъ будетъ ограничиться лишь прибрежной равниной. Если-же оно не пользуется необходимымъ довѣріемъ, то потребуется рас-

ходъ силъ для обезпеченія тыла дѣйствія войскъ, обороняющихъ побережье, и все-же положеніе ихъ въ бѣдномъ краѣ, вдали отъ остальной Россіи, источника довольствія, будетъ нелегкое. Если-же отношеніе окажется враждебнымъ, то положеніе этихъ войскъ явится крайне тяжелымъ и обезпеченіе тыла ихъ, путемъ противодѣйствія народной войнѣ въ крайне пересѣченной мѣстности потребуетъ значительныхъ силъ и средствъ.

Еще бóльшую роль въ состояніи сыграть Финляндія, въ періоды военныхъ осложненій, когда у нея, какъ въ настоящее время, окажется нелегальная армія, сформированная агитаціоннымъ путемъ, въ родѣ нынѣшней многотысячной красной гвардіи, или милиціи, которую желаютъ завести въ краѣ, когда онъ обильно снабженъ боевымъ оружіемъ и динамитомъ, когда положено уже нѣкоторое начало самостоятельной финляндской флотиліи лоцманскими пароходами и пароходами, предназначенными для сторожевой службы, съ цѣлью препятствованія ввозу оружія контрабандой и, наконецъ, когда само лоцманское вѣдомство, держащее въ своихъ рукахъ ключъ отъ шхернаго лабиринта, находится внѣ всякой зависимости отъ морского министерства. Не забудемъ притомъ, что Финляндія точно создана для партизанскихъ дѣйствій...

Рядъ изложенныхъ соображеній необходимо имѣть въ виду всегда, когда производятся серьезныя реформы, „отдѣляющія Финляндію отъ Россіи, въ особенности теперь, когда столь ясно, столь рѣзко обнаружился финляндскій сепаратизмъ“.

II.

Прошлое Финляндіи.

Состоя подъ шведскимъ владычествомъ, Финляндія никакими особыми правами и преимуществами не пользовалась. Она не составляла какого-либо особаго административнаго цѣлаго. Въ основныхъ законахъ Швеціи (1772 г. и 1789 г.) она особо не упоминалась. Она не имѣла своей финляндской конституціи. Законодательство, судъ, администрація, финансы и пр., все было общее со Швеціей. Со времени Эрика XIV она стала именоваться то герцогствомъ, то великимъ княжествомъ, но этотъ титулъ, который носили нѣкоторые принцы шведскаго королевскаго дома (послѣ 1581 г.), ничего не измѣнилъ и не прибавилъ въ ея политическомъ положеніи. Она была и оставалась „инкорпорированной“ провинціей Швеціи, законы которой распространялись на Финляндію такъ же, какъ и на другія части шведскаго государства. Особаго сейма финны не имѣли, а посылали своихъ депутатовъ на общіе шведскіе риксдаги. Въ Стокгольмѣ сосредоточивались всѣ главныя управленія, тамъ-же находилась казна и банки. Существовали финскія войска, но они

являлись мѣстными воинскими частями и командовались преимущественно шведами. Эти войска „не возводили Финляндію на степень отдѣльнаго въ политическомъ отношеніи цѣлаго“.

Иное дѣло Померанія. Она управлялась особой коллегіей, имѣла свое сословное представительство, а въ 1663 г. получила даже особую форму правленія. Померанія дѣйствительно находилась на особомъ положеніи и выдѣлялась изъ среды другихъ частей шведскаго государства.

Крѣпостной зависимости Финляндія не знала, но всѣ права и преимущества приходились на долю высшихъ сословій, дворянства и духовенства: они, владѣя обширными землями, налоговъ не платили, безъ суда и полиціи взыскивали долги и за провинности превращали трудъ крестьянина въ даровой. Вся тягость денежной, натуральной и воинской повинности падала на крестьянъ, лишенныхъ права торговать; законъ предоставлялъ всѣ выгоды и преимущества хозяевамъ по отношенію къ слугамъ. Финская національность не признавалась. Вездѣ, въ администраціи, судѣ и школѣ безраздѣльно господствовалъ шведскій языкъ; на финскомъ языкѣ имѣлось только священное писаніе, да разрѣшалась церковная проповѣдь. „Научись сперва по-шведски“, говорило правительство каждому ребенку, желавшему вступить въ школу. „Это правило было словно на Синаѣ дано: объ измѣненіи его никогда даже и не просили“.

III.

Завоеваніе Финляндіи.

Въ собственноручномъ письмѣ Императоръ Александръ I сообщилъ Наполеону I, что шведская Финляндія объявлена имъ „русской провинціей“: „j'ai déclaré la Finlande Suédoise province russe“. Въ прокламаціи главнокомандующаго гр. Буксгевдена отъ 16 февраля 1808 г. сказано было, что Великое Княжество будетъ почитаться наравнѣ съ остальными завоеванными провинціями Русскаго Государства.

16 марта 1808 года Государь увѣдомилъ иностранныя державы особой декларацією, въ которой говорилось, что... „отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою... признается областью, россійскимъ оружіемъ покоренною и присоединяется къ Россійской Имперіи (П. С. З. 22899).

20 марта того-же года послѣдовалъ манифестъ о томъ, что „страну сію, оружіемъ нашимъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣваемъ Мы принять отъ обывателей ея присягу на

вѣрное Престолу Нашему подданство". (П. С. З. 22911).

5 іюня 1808 года Императоръ Александръ I указалъ, что финскій народъ занялъ свое мѣсто „въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую имперію составляющихъ".

Во время войны, когда обдумывались вопросы объ устройствѣ финансоваго и военнаго дѣла Финляндіи, о новыхъ ея учрежденіяхъ и вообще о всемъ бытѣ финновъ, признано было полезнымъ выслушать „желанія" народа, а потому состоялось повелѣніе созвать „для совѣщанія" земскій съѣздъ или сеймъ въ городѣ Борго. Отъ этого ландтага требовали „не рѣшеній" и „декретовъ", а простыхъ „мнѣній". На этомъ съѣздѣ 15 марта 1809 года земскимъ чинамъ была передана слѣдующая Высочайшая грамота: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь подтвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи" [1]).

Мимоходомъ отмѣтимъ, что Высочайшая грамота 15 марта 1809 года ничего особеннаго собою не представляла. Подобныя грамоты, универсалы и рескрипты до 1809 года давались нерѣдко жителямъ завоеванныхъ областей и даже отдѣльныхъ городовъ. Универсаломъ 16 августа 1710 года

---

[1]) Эта грамота въ Полн. Собр. Зак. не опубликована, а подлинникъ ея сгорѣлъ въ Або.

Петръ Великій оставилъ, напримѣръ, прибалтійскому населенію „безъ всякаго нововведенія“ понынѣ исповѣдаемую Евангельскую религію, всѣ ихъ древнія привиллегіи, вольности, права и преимущества“... Очевидно, что грамота 15 марта 1809 года имѣла своимъ образцомъ именно подобный универсалъ.

Единственнымъ международнымъ актомъ, опредѣляющимъ новое политическое положеніе Финляндіи является, конечно, Фридрихсгамскій мирный трактатъ (5 сентября 1809 г.). Въ IV статьѣ его говорится: „губерніи сіи... будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской“... Въ VI статьѣ прибавлено, что Его Величество „по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія“ обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей „свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества“. (П. С. З. 23883).

Такова документально-правовая почва русско-финляндскихъ отношеній.

IV.

Политическое положеніе Финляндіи по договору со Швеціей.

Въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ выражена вся полнота правъ Россіи по отношенію къ Финляндіи. Текстъ этого акта устанавливаетъ, что права и привиллегіи, кои получены и сохраняются за Финляндіей, исходятъ отъ великодушнаго соизволенія Всероссійскихъ Монарховъ и не являются результатомъ какихъ-либо финляндскихъ заслугъ, или договора съ Россіей.

Финляндцы этимъ не удовольствовались и пожелали иного. „Имъ не доставало номенклатуры" государства, ихъ стѣсняла зависимость отъ Россіи и потому они начали широко толковать свои политическія права и создали цѣлую теорію особаго финляндскаго государства. Мечты о созданіи особаго государства наблюдались давно. Зависимость въ свое время отъ Швеціи также многимъ не нравилась. Надежды на самостоятельность поддержала Елизавета Петровна своимъ манифестомъ 1741 года и отчасти Екатерина II своимъ переговоромъ съ аньяльцами, желавшими создать изъ Финляндіи самостоятельную автономную единицу.

За исходную точку новой эры финляндцы взяли сеймъ въ Борго и стали говорить, что на немъ ихъ представители договорились съ представителемъ Россіи—Государемъ Александромъ I, выговоривъ себѣ извѣстныя права.

Финляндія была провинціей Швеціи. Со Швеціей велась война. Со Швеціей-же былъ заключенъ договоръ въ Фридрихсгамѣ. Изъ подъ власти шведовъ Финляндія прямо и непосредственно перешла во власть Россіи. „Финляндія, писалъ профессоръ Н. М. Коркуновъ, не отпала отъ Швеціи, не провозглашала своей независимости, не организовалась, какъ особое государство, не возстала противъ своего правительства“. Вести какихъ-либо переговоровъ съ Россіей она, поэтому, не могла. Сеймъ въ Борго никакого особаго значенія имѣть не могъ, ибо что-нибудь одно, — продолжаетъ проф. Н. М. Коркуновъ,—„или Александръ I, русскій императоръ, имѣлъ право учреждать Финляндскій сеймъ, но тогда онъ уже сталъ ранѣе государемъ Финляндіи и ему уже незачѣмъ было договариваться съ сеймомъ объ ея присоединеніи; или онъ не былъ еще государемъ Финляндіи, но тогда онъ не имѣлъ права учреждать сейма и всѣ постановленія сейма не имѣютъ никакого юридическаго значенія“.

Въ моментъ боргоскаго сейма положеніе Финляндіи не было еще закончено, почему профессоръ Абоскаго университета Калоніусъ сказалъ: „Пусть военное счастье тѣлесно отдало насъ силѣ врага... но души наши будутъ съ неослабною вѣрностью... принадлежать нашему прирожденному королю. Поэтому, пока исходъ войны еще неизвѣстенъ и пока не заключенъ такой мирный дого-

воръ, въ которомъ повелитель нашъ самъ откажется отъ своего права, отъ воли подданнаго не зависитъ отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны“.

Такъ и случилось. Финляндцы, настаивающіе на созданіи своего политическаго положенія на сеймѣ въ Борго, услышали оцѣнку сего домогательства отъ нынѣшняго шведскаго профессора Гаральда Іерне (Hjärne), который написалъ (въ 1902 г.): „Пора намъ, шведамъ, заявить, что въ Финляндіи нашлись люди, которые полагали возможнымъ основать свой правомѣрный политическій порядокъ на явной измѣнѣ (trohetsbrott), совершенной (въ 1809 г.) съ полнымъ презрѣніемъ требованій международнаго права“.

Такимъ образомъ, искать основы финляндской государственности въ дѣлахъ сейма въ Борго— напрасный трудъ и можетъ привести лишь къ горькому выводу. Въ Борго ни о какихъ обязательствахъ или принудительныхъ законахъ общегосударственнаго права рѣчь не шла; тамъ „царилъ только законъ милосердія и великодушія“; объ образованіи молодого государства и о значеніи сейма ничего не говорилось.

V.

Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года.

Финляндцы заявляютъ, что императоръ Александръ I утвердилъ для Финляндіи старые шведскіе законы, Форму Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года и тѣмъ установилъ особую государственную конституцію Финляндіи.

Прежде всего рѣшительно неизвѣстно, какимъ именно актомъ Александръ I утвердилъ ихъ для Финляндіи. Въ грамотѣ 15 марта 1809 года упоминается объ утвержденіи „коренныхъ законовъ". Сторонники финляндскаго государства настаиваютъ на томъ, что подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать Форму Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года. Но разъ надо подразумѣвать и догадываться, то тутъ естественно открывается свободное поле для всякихъ утвержденій и отрицаній.

Прежде всего ни въ Швеціи, ни въ Финляндіи до сихъ поръ не установлено, какіе именно законы слѣдуетъ понимать подъ терминомъ коренные или, какъ стали позднѣе говорить, основные

законы. Если это сеймовые законы, то ихъ было нѣсколько (сеймовый уставъ, постановленіе о печати [въ одно время], общее уложеніе и др.) Если Императоръ понималъ подъ „коренными“ законами только законы 1772 года и 1789 г., то ихъ легко и естественно было поименовать, что однако не сдѣлано.

Обращаясь къ исторіи, убѣждаемся, что законы 1772 года и 1789 года въ періодъ сейма въ Борго и вообще въ послѣдующія времена въ Финляндіи вовсе не соблюдались русскою властью и очень часто не примѣнялись и не признавались самими финляндцами. Первымъ къ тому препятствіемъ являлось самое ихъ содержаніе. По тексту ихъ, Русскій Самодержецъ долженъ былъ отвергать „ненавистное единодержавіе“; онъ обязанъ былъ исповѣдывать лютеранскую вѣру; въ дѣлахъ престолонаслѣдія слѣдовать закону 1743 года; какъ чужестранецъ по отношенію къ Финляндіи, онъ не имѣетъ права выѣзжать изъ государства безъ согласія совѣтниковъ; ему надлежало собственоручно подписать Актъ 1789 года и т. д. Слѣдуя законамъ 1772 года и 1789 года, Александръ I не имѣлъ права назначить въ Финляндію генералъ-губернатора и притомъ еще изъ русскихъ людей, а съ другой стороны, ему надлежало бы учредить въ краѣ разныя коллегіи, Государственный Совѣтъ, верховный судъ, тайный комитетъ и проч. Очевидно, что требованія сихъ законовъ не руководили Монархомъ въ то время, когда организовалось новое устройство Финляндіи. Кое-когда могли искать подходящихъ указаній въ ихъ текстахъ, какъ въ любомъ старомъ законѣ, но неизбѣжной обязательности они не имѣли.

Въ послѣднее время Форму Правленія 1772 г., и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года подвергли новымъ провѣркамъ, причемъ и русскіе, и финляндскіе изслѣдователи единогласно устанавливали, что въ полномъ объемѣ законы 1772 года и 1789 года къ Финляндіи примѣняться не могли и никогда послѣ 1809 года не примѣнялись.

Если допустить, что Императоръ Александръ I, говоря о „коренныхъ“ законахъ, имѣлъ въ виду ничто иное, какъ законы 1772—89 г., то естественно и неизбѣжно возникалъ вопросъ: какія же части сихъ государственныхъ законовъ онъ находилъ возможнымъ сохранить, какія признавалъ отпадающими, въ силу самаго факта подчиненія Финляндіи самодержавной Россіи, и какія, наконецъ, вовсе не имѣлъ намѣренія утвердить. Вопросъ огромной важности, который, однако, никогда авторитетною русской властью не былъ разрѣшенъ.

Министръ статсъ-секретарь гр. А. Армфельтъ то признавалъ ихъ, то отвергалъ. Споры о примѣнимости или непримѣнимости той или иной части ихъ были постояннымъ явленіемъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. По удостовѣренію финляндскаго сенатора Снельмана, большинство финляндцевъ, накапунѣ созыва сейма 1863 года, имѣли крайне смутное понятіе о сущности этихъ „основныхъ законовъ“. Все это неизбѣжно отразилось и въ царскихъ резолюціяхъ того времени.

Когда Императору Александру II, при восшествіи на престолъ, подали на утвержденіе обычную грамоту о финляндскихъ привилегіяхъ, то Онъ приказалъ вычеркнуть въ ней слово по „консти-

туціямъ“ и замѣнить его словомъ по „постановленіямъ“ и гр. Армфельтъ поспѣшилъ почтительнѣйше заявить: „Sir, si Vous ne voulez pas être un monarque constitutionelle, ne signez pas“ (Государь, если Вы не желаете быть конституціоннымъ Монархомъ, то не утвреждайте). Въ 1862 году Императоръ собственноручно начерталъ на одномъ докладѣ: „Съ этимъ заключеніемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 августа 1772 года отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ служить непремѣнно руководствомъ впредь“. Согласно сему, въ первомъ проектѣ Сеймового Устава всѣ ссылки на Форму Правленія 1772 года были зачеркнуты рукою Императора. Проходитъ нѣкоторое время и подъ Сеймовымъ Уставомъ 1869 года мы находимъ подпись Государя подъ странной припиской, въ которой поименованы и Форма Правленія 1772 года, и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года, якобы дѣйствующія въ Финляндіи. Фактъ этотъ имѣетъ свою исторію и свое объясненіе; съ фактомъ приходится, конечно, считаться, но онъ не разъясняетъ дѣла и имъ нельзя пояснить предыдущаго періода, т. е. отношенія Императора Александра I къ законамъ 1772 и 1789 г.г.

Совершенно произвольное толкованіе финляндцами Формы Правленія и Акта Соединенія дошло до того, что въ 1898 году Л. Мехелинъ издалъ на нѣсколькихъ языкахъ „Основные Законы Финляндіи“, будто бы воспроизводящіе постановленія упомянутыхъ актовъ, а въ дѣйствительности сочиненные имъ самимъ и направленные лишь къ

тому, что-бы люди неосвѣдомленные дѣйствительно повѣрили утвержденію, что Финляндія была и есть особое государство. („Précis du droit public du grand duché de Finlande“ [1886 г.] и „Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи“).

VI.

Управленіе Финляндіей до 60-хъ годовъ.

Неоспоримо, что Финляндія сохранила весь прежній укладъ своей жизни. Все управленіе Финляндіей было выдѣлено изъ общаго управленія Имперіей. Покоренному краю дано было то, что принято называть областнымъ самоуправленіемъ.

Финляндцы держатся того положенія, что шведскій король съ древнихъ временъ имѣлъ право издавать собственною властью законы административнаго и экономическаго характера. Къ этой области относились до послѣдняго времени законы о печати, о санитарной части, учебныхъ заведеніяхъ, почтѣ, межеваніи и т. п. Что-же касается изданія законовъ основныхъ, сословныхъ привиллегій, общаго уложенія, законовъ церковныхъ, морскихъ, гражданскихъ, законовъ о налогахъ— то они, по шведскому праву, требовали участія земскихъ чиновъ, т. е. риксдага въ Стокгольмѣ. Бюджетъ (обыкновенный) утверждался единолично Монархомъ, безъ участія сейма.

До шестидесятыхъ годовъ Финляндія управлялась безъ всякаго сейма и тѣмъ не менѣе многіе

законы того періода до сихъ поръ имѣютъ обязательную силу, напримѣръ, постановленіе о сенатѣ, о статсъ-секретаріатѣ, гофгерихтахъ, главныхъ управленіяхъ края, уставъ межевой (1848 г.), лѣсной (1851 г.), вексельный (1858 г.); части уложенія 1734 года были измѣнены; манифестами 1809 г., 1840 г. и 1860 г. преобразована была денежная система; Выборгская губернія присоединена къ Финляндіи. И это понятно, такъ какъ источникомъ законодательства въ Имперіи являлась Верховная власть. Сеймъ начали созывать съ 1863 года. Сеймовый уставъ былъ утвержденъ въ 1869 году.

Къ покореннымъ шведскимъ землямъ была присоединена Выборгская губернія, но, очевидно, исключительно въ виду удобства внутренняго управленія. Если-бы Государь смотрѣлъ на Финляндію, какъ на инородческое государство, то у него не могло, конечно, возникнуть желанія отдать исконныя русскія земли и завоеванія Петра Великаго въ чужія руки. Позднѣе (въ 1863 г.) тѣмъ-же порядкомъ, для пользы управленія, послѣдовало отдѣленіе Сестрорѣцкаго раіона отъ Выборгской губерніи и присоединенія его къ Петербургской губерніи.

Вообще приходится отмѣтить, что послѣ 1809 года Финляндія образовалась изъ такихъ частей, которыя раньше никогда въ ея составъ не входили, напримѣръ: Аландскіе острова и Вестерботнія.

„Главное внутреннее управленіе Финляндіи“ ввѣрено сенату, который вѣдаетъ гражданское управленіе и хозяйство Великаго Княжества, а также высшее правосудіе. Сенатъ дѣлится на два

департамента: хозяйственный (экономическій) и судебный. Съ 1809 г. по 1816 г. сенатъ назывался Правительственнымъ Совѣтомъ.

Совѣтъ (сенатъ) вѣдалъ дѣлами края, но „подъ надзоромъ“ генералъ-губернатора, какъ гласилъ рескриптъ 14 сентября 1810 года.

Надзоръ за всѣми исполнительными органами принадлежалъ генералъ-губернатору. Онъ-же являлся предсѣдателемъ сената. На него возлагалась отвѣтственность за управленіе Финляндіей передъ Монархомъ. Онъ былъ единственнымъ связующимъ звеномъ между Россіей и Финляндіей.

Въ 1811 году учреждена была комиссія финляндскихъ дѣлъ. Изъ этой комиссіи создался статсъ-секретаріатъ. Съ 1834 года докладчикъ финляндскихъ дѣлъ сталъ именоваться министромъ статсъ-секретаремъ. Въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ сосредоточиваются дѣла, подлежащія докладу и рѣшенію Государя Императора.

Во время шведскаго владычества, а также съ переходомъ Финляндіи во власть Россіи и вплоть до 1881 года финскія войска комплектовались двумя способами: вербовкой и по поселенной системѣ. Для послѣдней цѣли страна раздѣлена была на рекрутскіе участки. Каждый участокъ обязанъ былъ поставлять солдата и предоставлять ему небольшой земельный надѣлъ съ жилищемъ (torp) и кромѣ того, выдавать ему содержаніе въ натурѣ и деньгами.

Ни покоритель, ни его державные преемники отнюдь не имѣли въ виду выдѣлять Финляндію въ особое инородческое государство. Это видно изъ нижеслѣдующаго. Императоръ Александръ I потребовалъ (закономъ 1813 г.) отъ всѣхъ слу-

жащихъ въ Финляндіи знанія русскаго языка. Шведскій языкъ оставленъ былъ въ дѣлопроизводствѣ края условно и временно, пока не войдетъ въ употребленіе языкъ государственный русскій. Правительственный Совѣтъ (впослѣдствіи Сенатъ) сознавалъ тогда пользу и необходимость для чиновниковъ и служащихъ въ Финляндіи знанія россійскаго языка. Первый генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ писалъ въ своемъ мемуарѣ, что со временемъ русскій языкъ долженъ сдѣлаться главнымъ языкомъ края. Графъ Густавъ Армфельтъ и Ребиндеръ,—вліятельнѣйшіе дѣятели Финляндіи въ Петербургѣ,—этому содѣйствовали.

Финляндія получила свою казну и свой банкъ, но монета была введена русская.

Русскихъ людей не устраняли. Сперанскій явился первымъ докладчикомъ финляндскихъ дѣлъ; графа Румянцова абоскій университетъ хотѣлъ видѣть своимъ канцлеромъ; русскимъ людямъ, которые приняли приглашеніе быть преподавателями, обѣщались льготы; послѣ Спренгтпортена всѣ генералъ-губернаторы назначались изъ русскихъ сановниковъ.

Между Россіей и Финляндіей возникла таможенная линія, но ею не имѣлось въ виду отдѣлять вновь пріобрѣтенныхъ земель отъ центра Имперіи; а только охранить Россію отъ иностранныхъ товаровъ. Таможенныя положенія проходили чрезъ Государственный Совѣтъ.

Финляндія имѣла свой сенатъ, свои гофгерихты, главныя управленія, особое внутреннее законодательство и пр., но все это не дѣлало ее государствомъ. Сенатъ, гофгерихты и универси-

тетъ называются императорскими, финляндская канцелярія въ Петербургѣ именуется канцеляріей Его Императорскаго Величества. Очевидно, что Монархи руководились желаніемъ сблизить Финляндію съ Россией, сдѣлать ее нераздѣльной частью новой ея метрополіи.

Укажемъ кстати, что съ перваго дня подчиненія Финляндіи русской Верховной власти начали въ ней дѣйствовать и продолжаютъ сохранять свою силу, рядомъ съ финляндскими постановленіями, нѣкоторые русскіе законы. Такъ на Финляндію распространяются основные государственные законы Россійской Имперіи, всѣ трактаты и акты, касающіеся международныхъ сношеній и консульской части, часть законовъ военныхъ, положенія о почтѣ и телеграфѣ; на территоріи Финляндіи имѣютъ примѣненіе многія положенія Святѣйшаго Синода, духовныя дѣла финляндцевъ-католиковъ и другихъ инославныхъ исповѣданій управляются по уставу духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; русскія учебныя заведенія и русскія періодическія изданія подчинены дѣйствію соотвѣтствующихъ русскихъ законовъ. Проекты измѣненій лоцманскихъ и маячныхъ учрежденій должны быть одобрены морскимъ министромъ.

Финляндцы были довольны новымъ положеніемъ созданнымъ Александромъ I, такъ какъ оно водворило спокойствіе въ краѣ, бывшемъ въ теченіи столѣтій театромъ кровавыхъ столкновеній Россіи со Швеціей. Финляндія быстро оправилась отъ послѣдствій войны 1808—1809 г.г. и, въ полемикѣ со шведами, финляндцы не разъ указывали на пріобрѣтенныя ими выгоды.

Въ продолженіи первыхъ десятилѣтій финляндцы правильно смотрѣли на свой край, какъ на провинцію и составную часть Россійской Имперіи. Депутаты сейма въ Борго высказались за принятіе рубля, въ качествѣ монетной единицы, дабы Финляндія „не отличалась отъ остальныхъ провинцій государства“. Генералъ - губернаторъ Штейнгель во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (19 августа 1811 года, № 416) писалъ о ввѣренныхъ ему „финляндскихъ губерніяхъ“. Доцентъ Арвидсонъ, писатель фонъ-Бюргаузъ, Лундаль, профессоръ Пальменъ и др. проводили эти воззрѣнія въ литературѣ. Къ нимъ примкнулъ извѣстный шведскій историкъ Эрикъ Гейеръ и профессоръ упсальскаго университета Сведеліусъ, который въ Боргоскомъ сеймѣ видѣлъ не болѣе, какъ провинціальный съѣздъ или мѣстный ландтагъ.

VII.

Начало сепаратистскаго движенія.

Картина рѣзко мѣняется въ шестидесятыхъ годахъ, когда финляндцы, подъ вліяніемъ либеральнаго вѣянія съ Запада и созванія сейма въ 1863 году въ Гельсингфорсѣ, заговорили о государственныхъ правахъ Великаго Княжества. Въ печати завязалась полемика, которая продолжается до сихъ поръ, внося смуту въ умы и путая ясный и простой вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Финляндія ни фактически, ни юридически не была государствомъ — является вся исторія края послѣ сейма 1863 года. Вся дѣятельность финляндскихъ политическихъ вождей ушла на борьбу съ русскимъ правительствомъ изъ-за пріобрѣтенія новыхъ и новыхъ государственныхъ прерогативъ, коихъ недоставало Великому Княжеству.

Въ созиданіи своего государства финляндцы проявили большую послѣдовательность и стойкость. Они видѣли, что многаго не хватало и стали настойчиво добиваться недостающаго. При этомъ не пренебрегали ничѣмъ. Они пользовались

отдѣльными фразами, выбранными изъ Высочайшихъ рѣчей и манифестовъ, ссылались на отчетъ Сперанскаго, на черновой набросокъ рескрипта, на какой-нибудь недочетъ въ текстѣ закона и пр.

Мѣстная печать въ 1877 году усмотрѣла, что въ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи много неопредѣленнаго, что постановленія о правѣ финскаго народа участвовать въ установленіи налоговъ неясны и т. п. Профессоръ Гельсингфорскаго университета I. В. Росенборгъ объявилъ, что Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года „темны и двусмысленны", а права сословій могутъ подавать поводы къ спорамъ и недоразумѣніямъ". Нужно было исправить недочеты, обосновать и укрѣпить политическое положеніе Финляндіи. Дѣятели края не дремали. Пользуясь печатью, сеймами и помощью своихъ министровъ статсъ-секретарей, они съ теченіемъ времени добились поразительныхъ результатовъ въ намѣченномъ направленіи. Сеймъ замѣтно расширилъ свои первоначальныя права, увеличивая, напримѣръ, количество тѣхъ податей, которыя вотировались имъ, сокращая бюджетные періоды, присвоивъ себѣ право распоряжаться такъ-называемой вакантной податью и т. п.

Въ 1863 году они подняли вопросъ о дарованіи имъ особаго торговаго флага, тогда-же завели рѣчь въ печати объ отдѣльныхъ консулахъ, а въ послѣдніе годы—о необходимости подготовки финскихъ чиновниковъ для дипломатическихъ обязанностей. Въ 1848 году самовольно завели у себя „гимнъ", который стали распѣвать на всѣхъ торжествахъ, выводя изъ употребленія русское „Боже, Царя храни". Имѣя свой гербъ, они объявили

желтый и красный цвѣта государственными цвѣтами Финляндіи. Въ 1880 году шведская либеральная партія въ своей программѣ открыто выставила стремленіе къ утвержденію уніальнаго, т. е. союзнаго, отношенія Финляндіи къ Россіи. Въ 1885 году заговорили о нейтралитетѣ, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей.

Финляндіи предоставлена была особая казна и особый банкъ; реформами 1860 и 1877 годовъ финляндцы создали на сихъ основахъ отдѣльную монетную систему. Необходимость оградить Россію отъ легкаго провоза заграничной контрабанды черезъ Финляндію, привело къ учрежденію въ 1811 году таможеннаго кордона; изъ него образовалась пограничная таможенная линія, являющаяся нагляднымъ признакомъ финляндской государственности. Александръ I оставилъ населенію прежнюю систему воинской повинности, которая едва не привела къ созданію особой арміи, такъ какъ, получивъ пѣхоту и кавалерію, финляндцы усиленно хлопотали о собственной артиллеріи и флотѣ.

Стремленіе къ обособленію было причиной изданія цѣлаго ряда ограничительныхъ постановленій, направленныхъ противъ русскихъ, которые оказались на собственной окраинѣ Имперіи въ положеніи иностранцевъ, въ виду воспрещенія русскимъ строить въ Финляндіи желѣзныя дороги, ограниченія практики русскаго врача, устраненія русскихъ шкиперовъ и машинистовъ отъ службы на финляндскихъ пароходахъ и судахъ; русская акушерка вовсе не допускается къ практикѣ; лица православнаго вѣроисповѣданія не могутъ преподавать исторіи; по уставу о воинской повинности русскіе не допускались въ ряды фин-

скихъ войскъ; русскіе, хотя-бы и обладающіе большою недвижимостью, не имѣютъ права голоса ни въ городскихъ, ни въ сельскихъ общинныхъ собраніяхъ, несмотря на то, что законъ облагаетъ ихъ подоходнымъ налогомъ въ пользу общины. Русскіе, не состоящіе въ финляндскомъ гражданствѣ, по правамъ торговли приравнены къ иностранцамъ.

Пользуясь тѣмъ, что финляндцамъ предложено было (въ 1885 г.) кодифицировать основные законы Финляндіи, они проектировали новыя положенія, имѣвшія цѣлью поставить государственность Великаго Княжества внѣ всякаго сомнѣнія и провести болѣе рѣзкую границу между всѣмъ, что касается Финляндіи и что относится къ Россіи. Чтобы внушить иностранцамъ желаемыя понятія, финляндцы озаботились изданіемъ для нихъ особыхъ сборниковъ, въ которые не вносились тѣ основные законы, кои „во всей полнотѣ" являлись не одинаково выгодными для пропагандируемой идеи государственности.

Получивъ Выборгскую губернію, финляндцы прежде всего удалили изъ нея русскихъ. Они систематически желали избавить свой край отъ всего русскаго. Такъ, при графѣ Гейденѣ, когда въ Выборгской губерніи имѣлось въ виду основать женское общежитіе (въ Линтулѣ), они заявили, что по древне шведскимъ законамъ воспрещается основывать новые монастыри въ Финляндіи.

Нѣсколько разъ (1864, 1884 и 1905 г.г.) они пытались захватить въ свои руки государственную регалію—телеграфъ, но получая каждый разъ отказъ, стали на Аландѣ и другихъ островахъ

воздвигать мачты для собственнаго безпроволочнаго телеграфа.

Не разъ дѣлались шаги къ тому, чтобы на должности россійскихъ консуловъ опредѣлять финляндцевъ.

Вотъ въ краткомъ перечнѣ то, что сдѣлано было финляндцами, съ цѣлью обособленія своего края и созданія изъ него особаго государства.

Успѣхъ неизмѣнно сопутствовалъ финляндцамъ. Теорія финляндской государственности росла и наслаивалась и мы близки къ тому, что Финляндія добьется отношенія къ Россіи на началахъ личной уніи.

VIII.

Слабость и неустойчивость русской политики.

Въ чемъ кроется секретъ финляндскихъ успѣховъ? Этотъ вопросъ наводитъ на необходимость пересмотрѣть нѣсколько печальныхъ страницъ прошлаго, раскрывающихъ суровую правду, которую мы, русскіе, не хотимъ ни понять, ни усвоить для собственнаго назиданія. При чтеніи ихъ, печальная тѣнь слабаго національнаго самосознанія преслѣдуетъ насъ въ каждой строкѣ.

Петербургъ былъ и остается главнымъ „операціоннымъ базисомъ" всѣхъ окраинскихъ политиковъ. Но Петербургъ—городъ космополитическій. Это большое несчастіе Россіи. Крѣпость государства зиждется на сознаніи общности интересовъ всего государства—всей Россіи въ ея цѣломъ. Такого сознанія въ нашихъ министерствахъ и департаментахъ не наблюдается. Нѣтъ ея также въ высшихъ общественныхъ сферахъ, нѣтъ и въ политическихъ салонахъ столицы. Въ Петербургѣ постоянно царила путанница во взглядахъ на окраины и потому энергичный графъ Паскевичъ въ Польшѣ смѣнялся слабымъ старцемъ княземъ Горчаковымъ; графу М. Муравьеву въ Западномъ

краѣ предшествовалъ Назимовъ. Въ Петербургѣ одинаково находили себѣ сильныхъ покровителей и маркизъ Велепольскій, и сенаторъ Мехелинъ, которые свою политику беззастѣнчиво начинали съ гоненія на русскихъ...

Окраинная политика петербургскихъ канцеляріи никогда хорошихъ результатовъ не давала и русскаго имени не подымала. Она только ободряла окраины. „Бендзе Польска до Тобольска" провозглашали ободренные поляки. „Настанетъ день. Не все еще погибло"—пѣли финляндцы, зная перемѣнчивость русской политики. Русская неустойчивость естественно подерживала надежды на возможность измѣнить всякую мѣру, принятую по отношеніи къ окраинамъ; финляндцы, прибалтійцы, поляки проникались увѣренностью, что дѣйствія правительства исходили изъ случайнаго настроенія и потому рѣшили противопоставить имъ упорство, выжиданія и неисполненіе русскихъ повелѣній, впредь до наступленія „лучшихъ временъ". Россію всегда, гдѣ только возможно было, они игнорировали, вѣря въ то, что она „не знаетъ прошедшаго и не имѣетъ будущаго".

Эпоха попустительствъ окраиннымъ интригамъ должна поэтому миновать. Тушить вспышки окраинскихъ недовольствій подачками и попустительствами—значитъ подливать масло въ огонь. Исторія учитъ, что дѣло поляковъ въ 1863 году было проиграно съ того момента, когда русскіе восчувствовали свое могущество; мятежъ былъ укрощенъ не одиѣми только матеріальными силами, но и моральнымъ авторитетомъ Россіи. Мятежъ прекратился тогда, когда происки петербургскихъ и варшавскихъ революціонеровъ не въ состояніи были болѣе

побороть и свергнуть главнаго начальника Западнаго края. Россія съ того момента вернула уваженіе къ себѣ Европы, когда кн. Горчаковъ сильной нотой далъ достойный отвѣтъ западной дипломатіи. Наше право на окраины „крѣпкое право, оно куплено русскою кровью". Судъ „Божій рѣшилъ нашу тяжбу" и въ Польшѣ, и Финляндіи, и на Кавказѣ. Въ состояніи ли русское правительство,— спросилъ Юрія Федоровича Самарина профессоръ исторіи Дерптскаго университета Ширренъ,—дать намъ по крайней мѣрѣ *систему* управленія, хотя-бы притѣснительную, но зато *твердую*? Необходимо установить эту систему, не притѣснительную, конечно, но опредѣленную, иначе окраины будутъ для Россіи потеряны.

Вся наша окраинная политика страдала и продолжаетъ страдать колебаніями, непослѣдовательностью, крайностями, разрозненностью въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Система окраинной политики до сихъ поръ остается не установленной. Въ ней трудно наблюсти планомѣрность. Все зависитъ отъ случая. Тѣ колебанія, та нерѣшительность и дряблость, которыя проявляются въ нашихъ отношеніяхъ къ окраинамъ, имѣютъ двѣ причины: слабость національнаго духа въ нашемъ образованномъ обществѣ и полное незнакомство съ тѣмъ, что дѣлалось и дѣлается на окраинахъ.

Петръ Великій и Екатерина II знали, чего хотѣли и опредѣленно шли къ своей цѣли. Петръ „не презиралъ земли родной, онъ зналъ ея предназначенье"... Государственный интересъ онъ ставилъ выше всего. Въ томъ же духѣ и направленіи дѣйствовала и Екатерина II, которая всегда, черезъ головы своихъ близорукихъ предшественниковъ,

оглядывалась назадъ на Петра Великаго, справляясь о томъ, какъ-бы онъ поступилъ въ томъ или иномъ случаѣ.

При воспитаніи Александра I забыли, что „важнѣйшая наука для царей знать свойства своего народа и выгоды земли своей“. Вступивъ на престолъ, Александръ Павловичъ перенесъ всѣ свои симпатіи на Европу. Началась печальная эпоха „политики презрѣнія собственной страны во всемъ, кромѣ ея стихійныхъ силъ“. „Въ Россіи лучше было быть не русскимъ“, выразился кн. Ад. Чарторыйскій. Важнѣйшіе интересы Россіи довѣрены были дипломатамъ, не имѣвшимъ „ни капли русской крови, ни единаго русскаго чувства“. Чарторыйскій и графъ Армфельтъ носили русскій мундиръ только для того, чтобы удобнѣе работать для своихъ цѣлей. Одинъ осуществлялъ идею Ягеллоновъ, другой—планы аньяльцевъ. Къ Россіи и ея населенію они питали „непреоборимое отвращеніе“. Въ эпоху Александра I мы потеряли способность понимать и сознавать наши собственныя нужды, мы сбились съ національнаго пути. Намъ грозила тогда утрата того истиннаго, практическаго патріотизма, въ которомъ заключается главная общественная сила.

IX.

Антинаціональныя теченія въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ.

Начало нашей неудачной политики на Польской и Финляндской окраинахъ положено было также въ царствованіе Александра I. Изъ окраинъ онъ готовъ былъ создать цѣпь инородческихъ царствъ, опоясывавшихъ Россію. Изъ Польши образовано было особое государство, хотя многіе предвидѣли, что оно явится въ сущности „пороховымъ складомъ“. Бессарабія едва не досталась Струдзе, Литва—графу Огинскому и т. д.

Благоразумные люди разныхъ направленій поднимали свои голоса противъ подобнаго дѣлежа земель, завоеванныхъ русскою кровью, но то были единичныя личности и протесты ихъ замирали почти безслѣдно въ обширной Россіи. Узнавъ о намѣреніи Государя возстановить Польшу, историкъ Карамзинъ написалъ Его Величеству: „Любите людей, но еще болѣе любите россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца... Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно-ли съ законами государственнаго блага Россіи... Мож-

но-ли съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія. Не клянутся-ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ... Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу... Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны"... Когда состоялось присоединеніе Выборгской губерніи къ вновь завоеванной шведской Финляндіи, извѣстный Ф. Ф. Вигель, также движимый горячимъ чувствомъ патріотизма, записалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ": „Какое право имѣете Вы, Государь, безъ боя, безъ всякой видимой причины, не для спасенія цѣлаго государства, а по одному произволу Вашему, отрывать отъ Россіи области не Ваши, а Вашими предками и ихъ подданными пріобрѣтенныя. Въ исторіи народовъ найдите другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію"... Ф. Вигель кончаетъ тѣмъ, что называетъ сдѣланное „измѣной Россіи"... Особенно выдѣляется заявленіе главы декабристовъ П. И. Пестеля. Въ немъ дѣйствія Императора Александра I въ Финляндіи также вызвали „внутренній ропотъ": онъ находилъ, что не было основанія давать Финляндіи „привиллегированнаго положенія status in statu, такъ какъ никогда не пользовалась „самостоятельною независимостью и на будущія времена не должна составлять особаго государства". Пестель отвергалъ всякое федеративное устройство и признавалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ „ввести во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, который для самихъ губерній россійскихъ приготовляютъ... Надлежитъ ввести въ Фин-

ляндіи россійскій языкъ, устраивая для сего училища и принимая другія къ той-же цѣли ведущія мѣры". Пестель шелъ еще далѣе и проектировалъ включеніе Финляндіи въ составъ Чудской области съ областнымъ городомъ Петроградомъ.

Исторія даетъ много доказательствъ того, что заносчивому отношенію окраинъ къ русской народности не мало содѣйствовали мы сами. Объ открытіи сейма въ Варшавѣ (1818 г.) И. Ф. Паскевичъ писалъ: „Въ Варшавѣ русскихъ какъ-будто вовсе не было, мы всѣ черезчуръ стушевались... насъ, чтобы нравиться полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ; вездѣ первенствовали поляки" (Шильдеръ, IV, 94—95). На одномъ изъ смотровъ въ Варшавѣ, на которомъ по обыкновенію захваливалось польское войско, Паскевичъ подошелъ къ графу Милорадовичу и графу Остерману и спросилъ: „Что изъ этого будетъ?" Графъ Остерманъ отвѣтилъ: „А вотъ что будетъ: что ты черезъ 10 лѣтъ со своей дивизіею будешь ихъ штурмовать". Пророчество оправдалось. Та-же исторія повторялась на другихъ окраинахъ. Когда ордиунгсрихтеръ (капитанъ исправникъ), встрѣчая князя А. А. Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ, началъ рапортовать по-русски, князь прервалъ чиновника съ упрекомъ: „Зачѣмъ вы не говорите на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ?" Благодаря одному подобному заявленію, оффиціальное первенство русскаго языка было сразу устранено. „Добрый вельможа" дорожилъ только аттестаціей Паленыхъ, да Мейендорфофъ... Въ 1835 году Николай Павловичъ сказалъ, между прочимъ, полякамъ: „Императоръ Александръ I сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ слѣдовало сдѣлать русскому

императору („я говорю это потому, что такъ думаю“): онъ осыпалъ васъ благодѣяніями и былъ расположенъ къ вамъ болѣе, чѣмъ къ собственнымъ подданнымъ“.

Царствованіе Императора Николая I принесло съ собою нѣкоторую сдержку сепаратистскихъ тенденцій; но прочнаго поворота не произошло, а къ шестидесятымъ годамъ антинаціонализмъ и сепаратизмъ сдѣлались уже модными. Сѣраковскій и Лавровъ вели почти открыто свою пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ. Огризко занималъ мѣсто вице-директора въ министерствѣ финансовъ и громко говорилъ, что работаетъ одновременно для торжества революціи и для польскаго возстанія. Мы считали себя недостойными и стыдились подчинить будто-бы европейски-культурное населеніе Царства Польскаго своему „варварскому государству“... По отношенію къ Польшѣ считалось, кромѣ того, необходимымъ „загладить преступленіе ея раздѣла“. Начало мятежа 1863 года надо искать въ общемъ политическомъ настроеніи нашего интеллигентнаго общества. Герценъ въ своихъ изданіяхъ и Краевскій въ своемъ „Голосѣ“ одинаково требовали пассивности и терпимости въ національныхъ вопросахъ. Это дѣлалось во имя культа къ либеральному западу... Министръ Валуевъ гораздо болѣе сердился на партію русскихъ—Муравьева и Каткова,—чѣмъ на поляковъ въ польскомъ вопросѣ. У Валуева не было ни русскаго духа, ни русскаго чувства. Князь А. А. Суворовъ въ Зимнемъ дворцѣ, со свойственными ему распашкою въ рѣчи и безцензурностью выраженій, кричалъ во всеуслышаніе о необходимости дать этимъ „бѣднымъ полякамъ вздохнуть

свободнѣе и облегчить имъ ненавистное иго русскаго чиновника"... Русское чувство было совершенно непонятно значительной части вліятельныхъ лицъ. Мысль о русскомъ государствѣ для русскаго народа казалась узко-національной...

X.

Развитіе ученія о финляндскомъ государствѣ и неосвѣдомленность русскаго правительства.

По завоеваніи Финляндіи, желаніе поставить новыхъ подданныхъ въ такія условія, чтобы они „благословляли Провидѣніе создавшее новый порядокъ“, привело къ тому, что на вновь присоединенную окраину, какъ изъ рога изобилія, сыпались милости и привиллегіи, права и всякія исключительныя выгоды. Строители Русскаго царства точно забыли тогда, что права должны сопровождаться обязанностями и что, помимо признательности, необходимо закрѣпить новыя земли общими государственными учрежденіями и какими-нибудь реальными узами съ новой метрополіей, подобно тому, какъ это сдѣлала Швеція, дававшая Финляндіи своихъ правителей, чиновниковъ и офицеровъ, устроившая въ ней школы, суды и администрацію, а также требовавшая посылки финскихъ депутатовъ въ свой шведскій риксдагъ въ Стокгольмъ и финскихъ войскъ--на любой театръ военныхъ дѣйствій. Мѣстная школа оставлена была нами безъ малѣйшаго русскаго призора и въ ней водворились учебники Топеліуса, Шюберг-

сона и др., которые почти совершенно исключили изъ своихъ описаній Россію. Въ дѣлѣ воспитанія стали господствовать исключительно стихи Рунеберга, собранные въ патріотическіе сборники „Разсказовъ Фенрика Столя“. Печать края также осталась безъ русскаго литературнаго корректива. Газеты долго и безпрепятственно подбирали факты, отрицательно характеризовавшіе жизнь Россіи. Вопросъ-же о зависимости Финляндіи отъ Россіи онѣ старательно обходили. На всю обширную окраину назначался одинъ только русскій генералъ-губернаторъ, но и тотъ „шагу не могъ ступить безъ переводчика“ и лишенъ былъ фактической возможности засѣдать въ сенатѣ, за незнаніемъ шведскаго языка.

При подобныхъ условіяхъ зарождавшееся ученіе о финляндской государственности ни въ чемъ не встрѣтило отпора и противодѣйствія. Русская власть едва знала о существованіи новой теоріи и не отдавала себѣ вполнѣ яснаго отчета о вредныхъ ея послѣдствіяхъ. Въ Россіи на все происходившее въ финляндской окраинѣ какъ бы согласились смотрѣть исключительно черезъ финляндскія очки. У трона для докладовъ и освѣщенія дѣлъ окраины былъ поставленъ министръ статсъ-секретарь изъ финляндцевъ, при генералъ-губернаторѣ находился финляндскій правитель канцеляріи; при военномъ министрѣ состоялъ особый финляндскій генералъ. Огромную роль въ исторіи разобщенія Финляндіи отъ Россіи съиграль поэтому статсъ-секретаріатъ. Графъ Густавъ Армфельтъ, истинный организаторъ сего учрежденія, поддерживалъ мысль о присоединеніи къ Финляндіи Выборгской губерніи, которая со вре-

менъ Петра Великаго успѣла значительно обрусѣть. Въ статсъ-секретаріатѣ, за спиной генералъ-губернатора, составлялись проекты важнѣйшихъ реформъ по устройству управленія края; по интригамъ въ петербургскихъ сферахъ смѣнялись генералъ-губернаторы, когда они становились въ оппозицію государственнымъ домогательствамъ финляндцевъ. Въ статсъ-секретаріатѣ округлялись и шлифовались отчеты такъ, чтобы они не давали повода русской власти вмѣшиваться въ дѣла Финляндіи. Въ борьбѣ съ генералъ-губернаторами министры статсъ-секретари имѣли надежный резервъ въ особомъ финляндскомъ комитетѣ.

Поразительно равнодушіе русскаго правительства и общества къ собственнымъ интересамъ! Въ Финляндіи происходили разныя движенія, а мы,— по замѣчанію Я. К. Грота,—смотрѣли на нихъ „равнодушно и праздно", не овладѣли ими и „не дали имъ направленія по своимъ видамъ". Финноманія крѣпла, а о „руссоманіи" или „россіанствѣ" ничего не было слышно, точно Финляндія не составляла части русскаго царства. Правъ былъ также и финляндскій сенаторъ Гартманъ, указавшій на то, что въ Финляндіи до послѣдняго времени почти не было „ни одного русскаго, который бы достойно представлялъ своихъ соотечественниковъ и игралъ какую нибудь роль въ обществѣ". И дѣйствительно, большинство русскихъ генералъ - губернаторовъ были люди весьма посредственныхъ способностей и не проявляли охоты сдѣлать что-нибудь полезное для русскаго государства. Наши оффиціальные представители русскаго дѣла являлись въ большинствѣ случаевъ не согрѣтыми живой національной идеей, какъ не была ею согрѣта и руководя-

щая политика. Эти нейтральные люди попадали немедленно въ ловко разставленныя со всѣхъ сторонъ сѣти интриги и мимовольно работали во вредъ государству, удаляли отъ себя неоффиціальныхъ, но одушевленныхъ національной идеей русскихъ дѣятелей... Бывало и такъ, что представитель государственной власти служилъ самъ дѣлу анти-русскому; все было. По безтактности и несчастной привычкѣ нашихъ администраторовъ отрицать цѣлесообразность трудовъ своихъ предшественниковъ, то немногое, что было сдѣлано для государственнаго объединенія Финляндіи съ Россіей, топталось и отмѣнялось преемниками. Не успѣлъ, напримѣръ, закончить своихъ русскихъ насажденій Н. И. Бобриковъ, какъ кн. Оболенскій и д. т. с. Герардъ вырвали ихъ съ корнемъ, не будучи сами въ состояніи замѣнить ихъ чѣмъ-либо лучшимъ и полезнымъ.

А между тѣмъ финляндскіе статсъ-секретари, всѣ до единаго терпѣливо и настойчиво работали по одному и тому же плану. Вглядываясь въ ряды финляндскихъ дѣятелей, не замѣчаешь между ними никакой разницы. Личныя свойства ихъ точно исчезаютъ и выступаетъ впередъ одна и таже система. И кажется, будто въ теченіе 90 лѣтъ на мѣстѣ статсъ-секретаря Финляндіи сидѣло одно и то-же лицо... Не мудрено, если при такихъ условіяхъ Финляндія все болѣе и болѣе отчуждалась отъ государственнаго тѣла Россіи и становилась для насъ какою-то далекой невѣдомой страной.

Мы, русскіе, какъ бы боимся оглушительнаго гама иностранныхъ злословій. Нѣтъ въ насъ сильной мысли, твердой воли, живого патріотическаго чувства, которое сообщалось бы другимъ. Мы часто

драпируемся въ какой-то особенно абстрактный и пустой либерализмъ. Финляндцы, поляки, нѣмцы и др. могутъ провозглашать: „Финляндія для финновъ“, „Польша для поляковъ“, а у насъ формула „Россія для русскихъ“ громко и презрительно осмѣивается.

При такой политикѣ, конечно, нельзя было разсчитывать на успѣхъ русскаго дѣла на окраинахъ. Съ разныхъ окраинъ слышались заявленія, которыхъ не перенесла бы ни одна уважающая себя европейская держава. „Лифляндія собственно вовсе не русская губернія, это — западная протестантская страна“. Въ Финляндіи на сеймѣ 1877 и 1878 г.г. возвели въ непререкаемую истину слѣдующія невѣроятныя положенія: „Престолъ можетъ быть въ опасности, какъ въ горахъ Кавказа, такъ и на равнинахъ Польши и у береговъ Финляндіи, но выводить финскую армію изъ Финляндіи ни подъ какимъ условіемъ нельзя“. „Мы не согласны принять воинской повинности для защиты Россіи, для отстаиванія родины и политическихъ интересовъ русскихъ“. Финское войско не обязано защищать Имперію—таковъ общій выводъ изъ сеймовыхъ рѣчей. „Россія можетъ оказаться вынужденною вооруженною силою разрѣшать разнообразныя столкновенія, не имѣющія ничего общаго съ интересами Финляндіи, и въ такихъ случаяхъ несправедливо посылать сыновъ Финляндіи умирать въ далекую Арменію и Хиву. Финляндія вовсе не обязана принимать активнаго участія во всѣхъ войнахъ Имперіи. Всякая трата силъ для болѣе обширныхъ цѣлей Россіи несовмѣстима съ задачею финскаго народа“.

Наша слабость въ проведеніи на окраинахъ своихъ государственныхъ и національныхъ основъ

естественно вызвала въ инородцахъ замѣтное высокомѣріе. Для финновъ, шведовъ, эстовъ, летовъ и для нѣмцевъ духовное отечество — на западѣ. Остзейскую провинцію нужно сохранить для германизма „въ чаяніи лучшихъ временъ“, говорятъ на этой окраинѣ Россіи. Финляндія—форпостъ, выдвинутый Скандинавіей противъ варварства востока. (Соч. Mankell. „Замѣтки о финской арміи и финляндской военной исторіи“. Стокгольмъ 1870 г., 2 часть, стр. 406). Миссія шведовъ заключается въ томъ, чтобы, при посредствѣ скандинавской культуры, оберечь край отъ славянской волны. На западѣ также установился взглядъ на Финляндію, какъ „сѣверо-восточный форпостъ германизма“.

XI.

Источники благосостоянія Финляндіи.

Въ числѣ причинъ развитія финляндской культуры одною изъ главныхъ является незначительность той тягости воинской повинности, которую несло до сего времени финское населеніе. Она составляется изъ тягости личной и денежной, и обѣ онѣ для Финляндіи всегда были изумительно облегчены. При шведскомъ владычествѣ въ краѣ, когда населеніе въ Финляндіи не достигало и полумилліона, финны обязаны были выставлять болѣе 13 тысячъ человѣкъ въ ряды войска, т. е. около 3% всего населенія отдавать въ распоряженіе шведскаго правительства, ведшаго нескончаемыя войны со своими сосѣдями. Въ 1808—1809 г.г. Финляндія воюя съ нами содержала около 22 тысячъ подъ ружьемъ. Едва она перешла въ русское подданство, какъ была до 1812 г. совершенно освобождена отъ обязательства держать войско, а затѣмъ, хотя и содержала егерскіе полки, стрѣлковые и поселенные баталіоны, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ; напримѣръ, съ 1830 по 1846 г.—всего 2 тысячи человѣкъ, а съ 1868 по 1881 годъ только одинъ гвардейскій баталіонъ.

Въ Россіи ко всеобщей воинской повинности перешли въ 1874 году, а въ Финляндіи только въ 1881 г. Россія выставляла 36 человѣкъ съ тысячи, а Финляндія только 9 человѣкъ (и то лишь съ 1889 года, а раньше выставляла еще меньше).

„Но это пока только часть военнаго дѣла. Въ послѣднія десятилѣтія Россія должна была расходовать на военное дѣло отъ 24 до 28 процентовъ своего бюджета, а счастливая Финляндія отсчитывала на то же дѣло только около 16 процентовъ, а съ 1862 г. по 1870 г. не болѣе $6^1/_2$ проц. За пятилѣтіе съ 1894 г. по 1898 г. на военныя надобности въ Россіи на душу населенія падало расходовъ на 2 р. 83 к., а въ Финляндіи только 1 р. 35 к.

„Было-бъ интересно подсчитать тѣ милліоны, которые финны сберегли при указанныхъ условіяхъ. Призывая въ ряды войска въ четыре раза меньше людей, чѣмъ въ Россіи, они имѣли возможность сохранить для своей земли многія сотни тысячъ рабочихъ рукъ и сберечь въ своей общественной кассѣ многіе милліоны рублей. Вслѣдствіе того, что на каждаго финляндца приходилось почти на полтора рубля меньше военныхъ расходовъ, чѣмъ на душу коренного населенія Россіи, финляндская казна сберегла за четверть вѣка по крайней мѣрѣ 50—60 милліоновъ рублей. При маленькомъ бюджетѣ Финляндіи все это— колоссальныя суммы.

„Говоря о военныхъ расходахъ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о постоѣ русскихъ войскъ въ Финляндіи, приносящемъ населенію немалые барыши. По исчисленію профессора Яснопольскаго, чистый расходъ русскаго государственнаго

казначейства въ Финляндіи опредѣляется ежегодно почти въ $3^{1}/_{3}$ милл. руб. Чтобы понять значеніе этой цифры, допустимъ, что изъ указаннаго количества на постой войска причитается $2^{1}/_{2}$ милл., а остальные расходуются на русскія школы и другія надобности, то и въ такомъ случаѣ эти $2^{1}/_{2}$ милл. замѣняютъ для Финляндіи богатѣйшіе золотые пріиски. Дѣйствительно, приливъ золота въ годъ на $2^{1}/_{2}$ милл. руб. составляетъ примѣрно по 1 р. 15 коп. на каждаго жителя Финляндіи, тогда какъ Россія добывала золота въ годъ на 27 милл. руб., что на каждаго жителя составляло только 33 коп. Итакъ Финляндія, благодаря только постою въ ней русскихъ войскъ, получала изъ Россіи золота, относительно населенія, почти $3^{1}/_{2}$ раза больше, чѣмъ Россія со всѣхъ своихъ золотыхъ пріисковъ.

„Чрезвычайные расходы военнаго времени при многочисленныхъ войнахъ, которыя вела Россія въ XIX вѣкѣ, совершенно не касались Финляндіи. Между тѣмъ, очевидно, пріобрѣтенныя войнами выгоды распространялись на все государство, въ томъ числѣ и на Финляндію.

„Въ 1865 году Финляндія получила свою монету. Сперва ея марка равнялась 25 коп., но съ теченіемъ времени нашъ курсъ въ Финляндіи дошелъ до 60 коп. за рубль. Ясно, что игра на курсѣ не обошлась безъ выгодъ для края. Русскіе серебреные рубли въ то время покупались за 60 коп., а сдавались въ русское казначейство въ Гельсингфорсѣ за 100 коп. Послѣ-же 1893 года финляндская казна стала получать за каждыя 4 финскихъ марки $1^{1}/_{2}$ русскихъ рубля.

„Въ 1867 году финляндцамъ нужно было провести желѣзную дорогу до Петербурга. Денегъ у

нихъ не было. Чтобы облегчить имъ дорогую постройку девять поселенныхъ батальоновъ было упразднено, а сбереженіями отъ нихъ разрѣшено было погашать желѣзно-дорожный заемъ.

„Въ 1856 г. финляндцамъ нужно было устроить пароходное сообщеніе вдоль своихъ береговъ, вплоть до Петербурга, и изъ Русскаго Государственнаго Казначейства приказано было ежегодно выдавать на это предпріятіе субсидію въ 200.000 рублей. Субсидія выдавалась аккуратно до 1874 года.

„Въ пажескомъ, морскомъ и военныхъ корпусахъ, а также въ Смольномъ институтѣ имѣются спеціальныя казенныя вакансіи для финляндскихъ гражданъ и кромѣ того на фридрихсгамскій корпусъ отпускалась ежегодно сумма для оплаты 20 стипендій.

„Суда русскаго флота зарегистровываются въ Финляндіи въ числѣ иностраннаго флота и потому имъ приходится платить бо́льшія портовыя пошлины, чѣмъ финляндскимъ, не смотря на то, что они плаваютъ подъ однимъ русскимъ флагомъ.

„Генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ хотѣлъ ввести на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ пятикопѣечный сборъ въ пользу Краснаго Креста; финляндцы отказались, а Красный Крестъ не поддержалъ начальника края.

„За заграничные паспорты финляндцы платятъ также меньше, чѣмъ русскіе, всего 3 рубля (или 8 мар.) за пятилѣтній паспортъ, а мы—10 руб. за полугодовой.

„Въ 1810 году для финляндскаго банка отпущенъ былъ 1 милл. рублей заимообразно, но безъ всякихъ процентовъ.

„Въ 1811 году Финляндія получила цѣлую Выборгскую губернію и съ тѣхъ поръ доходы съ губерніи поступаютъ не въ русскую, а въ финляндскую казну.

„Финляндіи разрѣшили устроить по Петербургской губерніи, отъ Бѣлоострова до столицы, желѣзно-дорожный участокъ, который является самымъ доходнымъ изъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ края, благодаря преимущественно наплыву дачниковъ въ лѣтнее время.

„Въ 30 верстахъ отъ столицы Имперіи находится финляндская таможенная линія. Таможенный доходъ является главной статьей поступленія по росписи Великаго Княжества. Сумма дохода достигаетъ уже 30 милл. марокъ и вся она отдается на нужды края, а не относится къ общегосударственному достоянію. Чтобы не распространяться о значеніи таможни, укажемъ только на тотъ фактъ, что статсъ-секретаріатъ въ семидесятыхъ годахъ призналъ необходимымъ не показывать въ отчетѣ управленія Финляндіи цифровыхъ данныхъ въ общихъ и таможенныхъ доходахъ края, дабы эти данныя не послужили поводомъ русскому правительству вмѣшиваться въ дѣла Великаго Княжества. Когда позднѣе въ мѣстной печати зашла рѣчь о той-же таможнѣ, то финляндцы заявили, что никогда не откажутся отъ таможенныхъ доходовъ страны.

„Страна безпримѣрныхъ льготъ и привиллегій не участвуетъ въ уплатѣ государственнаго долга Имперіи, вызваннаго преимущественно надобностями охраны границъ; она не расходуетъ ничего на министерство иностранныхъ дѣлъ, оберегающее интересы Финляндіи; она не знаетъ расходовъ по

министерству Двора и по морскому министерству,— что вмѣстѣ составляетъ ежегодно около $6^1/_2$ милл. рублей.—Давно-ли напримѣръ Россія единовременно отпустила на постройку флота 90 милл. рублей и въ этомъ расходѣ Финляндія не приняла участія ни единой полушкой" [1]).

Въ 1863 г. для усиленія обороны Финляндіи учреждалась флотилія на внутренныхъ ея озерахъ. Для покрытія расходовъ по постройкѣ для нея пароходовъ и баржъ послѣдовало ассигнованіе 145 тыс. рубл. изъ Государственнаго Казначейства.

Мы не говоримъ уже о денежной помощи, оказанной Гельсингфорскому университету и о другихъ пособіяхъ и выдачахъ по разнымъ болѣе или менѣе экстреннымъ случаямъ.

---

[1]) М. Бородкинъ. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи.

XII.

Царствованіе Императора Александра II.

Наибольшимъ успѣхомъ въ дѣлѣ развитія своей государственности финляндцы достигли въ царствованіе Императора Александра II. Рѣчь, которою Государь открылъ сеймъ 1863 года, пробудила ихъ надежды. Государь не только упомянулъ о „конституціонной монархіи“, но обѣщалъ расширить права земскихъ чиновъ по разнымъ существеннымъ вопросамъ. Его Величество предлагалъ финскому народу доказать, что „либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія“.

Въ 1869 году Финляндія получила сеймовый уставъ. Онъ явился „краеугольнымъ камнемъ нашего государственнаго устройства“, заявила финляндская печать. Уставъ весьма значительно расширилъ права народнаго представительства, которое въ результатѣ привело къ созданію длиннаго ряда законовъ, отдалявшихъ финновъ отъ русскихъ и разобщавшихъ окраину отъ центра.

Еще раньше сеймового устава Финляндія получила свою отдѣльную монету, а затѣмъ (въ 1878 году) перешла къ золотой валютѣ и, благо-

даря этому, совершенно обособилась въ финансовомъ отношеніи отъ Россіи, занявъ положеніе иностранной державы по отношенію къ русской биржѣ. Финляндскій историкъ, разсказавъ ходъ монетной реформы, прибавляетъ, что Императоръ, усмотрѣвъ всѣ послѣдствія преобразованія, сказалъ: „On a escamoté mon consentement“ („у меня выманили мое согласіе“. Эдв. Бергъ, Vâr Styrelse; т. II, стр. 15).

Въ 1878 году утвержденъ былъ для Великаго Княжества Финляндскаго отдѣльный уставъ о воинской повинности, который узаконилъ полную обособленность финскихъ войскъ отъ русской арміи, такъ какъ § 120 устава воспрещалъ русскимъ людямъ службу въ рядахъ финскихъ баталіоновъ. Военный министръ, гр. Д. А. Милютинъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, излагалъ свои соображенія о томъ, что Финляндія не должна имѣть своей отдѣльной вооруженной силы. Общественное мнѣніе въ Россіи также требовало тогда, чтобы финляндцы несли военную службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи. Однако, все кончилось тѣмъ, что финскія войска по управленію, устройству, по военно-судной части, по традиціямъ и обычаямъ сдѣлались совершенно чуждыми намъ войсками, а тягость личной и финансовой стороны этой повинности была облегчена для нихъ въ четыре раза. Такъ какъ финляндскіе политическіе дѣятели не выразили ни малѣйшаго желанія охранять неприкосновенность всей Имперіи, то новой организаціи финскихъ войскъ лучше было вовсе не допускать и „интересы Россіи, въ сущности,—какъ выразился гр. Д. А. Милютинъ,— были бы болѣе обезпечены продленіемъ безоруж-

наго положенія края, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ населеніи Финляндіи не утвердится сознаніе въ полной солидарности политическихъ и экономическихъ ея интересовъ съ интересами Россіи“.

Финляндскій сеймъ, выработавъ (въ 1878 г.) проектъ новаго устава о воинской повинности, пожелалъ добиться его утвержденія помимо даже военнаго министра. Государь, однако, повелѣлъ запросить его мнѣнія. Заключенія сейма и сената были переданы гр. Д. А. Милютину, но изъ нихъ временно были вычеркнуты весьма существенныя строки о признаніи части устава основнымъ закономъ Финляндіи. Благодаря такому пріему, министръ статсъ-секретарь легче добился согласія военнаго министра на утвержденіе устава.

Въ указанномъ-же выше антирусскомъ направленіи проводились и остальныя преобразованія Алексадра II, т. е. главнѣйшія изъ нихъ содѣйствовали обособленію Финляндіи отъ Россіи, а не сближенію сихъ неразрывныхъ частей. Въ 1857 году, напримѣръ, учрежденъ былъ при статсъ-секретаріатѣ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, который явился новымъ сильнымъ „разобщителемъ“, ибо придуманъ былъ въ сущности съ исключительной цѣлью, укрѣпить министра статсъ-секретаря въ его борьбѣ съ генералъ-губернаторомъ.— Вскорѣ гр. Армфельтъ, почувствовавъ болѣе твердую почву подъ собой, сосредоточилъ въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ даже цензуру надъ русскими статьями о Финляндіи!

Русскій языкъ, водворявшійся въ мѣстной школѣ въ теченіи предыдущихъ царствованій, признанъ былъ почти ненужнымъ и потому учеб-

ныя заведенія края были „эмансипированы отъ насильственнаго его изученія“. Государственному языку, какъ писали тогда, была оказана большая услуга: „его избавили отъ тяжкаго бремени презрѣнія и нерасположенія“. Руками русскаго правительства выдвигался болѣе впередъ языкъ финновъ, чѣмъ государственный языкъ Имперіи.

Съ шестидесятыхъ годовъ замѣтно усилилось братанье финляндцевъ со шведами и мечты „о сѣверномъ культурномъ единеніи, какъ основѣ для соціальнаго и, *можетъ быть, также политическаго союза* сѣверныхъ народовъ“, какъ выразился профессоръ гельсингфорскаго университета К. Эстландеръ. Мысль объ учрежденіи изъ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ съ тѣхъ поръ никогда не оставлялась въ скандинавской литературѣ.

Лично Государь никогда не забывалъ необходимости сближенія Финляндіи съ Россіей, что сказалось въ его многочисленныхъ резолюціяхъ, требовавшихъ по текущимъ дѣламъ предварительнаго заключенія соотвѣтствующихъ министровъ Имперіи. Но его ближайшіе сотрудники по Финляндіи—ловкій и вкрадчивый графъ А. Армфельтъ, а также лично преданный Монарху, но недальновидный и вялый графъ Н. В. Адлербергъ,—были проникнуты противоположными воззрѣніями. Много политическихъ правъ удалось получить за это время финляндцамъ, однако, особой конституціи Александръ II не утвердилъ для края, не смотря на всѣ старанія мѣстныхъ дѣльцовъ.

Эпоха царствованія Императора Александра II настолько окрылила надежды финляндскихъ обособленниковъ, что вызвала тревогу въ представи-

телѣ русской государственной власти. „Въ последнее время,—доносилъ генералъ-губернаторъ Рокасовскій Государю (въ маѣ 1865 г.),—многое измѣнилось въ здѣшнемъ обществѣ, явились новыя понятія о самостоятельности края, стремленіе къ сепаратизму и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Испрошены были мало-по-малу и систематически разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыя, наконецъ, довершили отдѣленіе Великаго Княжества отъ Имперіи“. Это послѣднее обстоятельство, на которое указываетъ Рокасовскій, было возможно исключительно потому, что новые законопроекты не проходили ни одного изъ центральныхъ управленій Россіи и нигдѣ поэтому съ русской государственной точки зрѣнія не оцѣнивались и въ гармонію съ русскими законами не приводились.

XIII.

Финляндскія политическія партіи.

Первоначально послѣ завоеванія Финляндіи, политиканствующія мечтанія сосредоточивались въ небольшой группѣ лицъ дворянскаго сословія, да въ университетскомъ кружкѣ. Начиная же съ шестидесятыхъ годовъ, одновременно съ реформами Александра II, политическія настроенія получаютъ широкое распространеніе и опредѣленно выдвигаются со своими программами слѣдующія политическія партіи: финноманы (старофинны), шведоманы и младофинны.

На первомъ мѣстѣ шведоманской программы стоитъ защита шведскаго языка и шведской національности; такимъ образомъ оказывается, что они борются за сохраненіе шведскихъ формъ жизни и шведскаго образованія на русской окраинѣ среди финскаго населенія. Шведоманы болѣе другихъ ратовали за политическія права Финляндіи и за парламентарный образъ правленія. Они систематически работали за расширеніе правъ сейма и за подчиненіе ему всего законодательства. Они добивались, наконецъ, „большей опредѣленности въ уніальномъ отношеніи къ Россіи“, какъ значится въ ихъ программѣ.

Финноманы ставили своей задачей пріобщить народную массу къ европейской культурѣ, чтобы такимъ образомъ увеличить производительныя силы края, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Для этого они хотятъ сдѣлать языкъ народа языкомъ литературы, образованія и администраціи. Народъ,—по ихъ воззрѣніямъ,—долженъ быть движимъ однимъ чувствомъ, почему нуженъ одинъ языкъ, доступный всѣмъ. Финноманы стремятся создать образованный классъ, который бы говорилъ по-фински. Образованіе не должно являться монополіей высшаго общества и для того, чтобы оно проникло въ низшіе классы, необходимо признаніе права языка, на которомъ говоритъ народъ. Господство-же одного языка и притомъ еще меньшей части населенія Финляндіи (т. е. шведскаго),—по воззрѣніямъ финномановъ,—вопіющая несправедливость и тормазъ въ дѣлѣ развитія народа. Въ Финляндіи пока еще большинство служилаго сословія—шведы; администрація направляется шведами, законодательныя работы подготовляются по шведски, правосудіе отправляется преимущественно судьями изъ шведовъ—и всѣ эти администраторы, законодатели и судьи остаются въ значительной мѣрѣ чуждыми массѣ народа.

„Отъ старофинноманской партіи относительно недавно отдѣлилась фракція, получившая названіе младофинноманской. Къ ней примкнули всѣ тѣ финноманскіе элементы, которые были недовольны умѣренностью старыхъ финномановъ въ національныхъ вопросахъ, узкимъ консерватизмомъ въ религіозныхъ вопросахъ, наконецъ, ихъ непониманіемъ демократическихъ требованій времени“.

Вслѣдствіе раскола въ финской партіи, одни стали именоваться старофинноманами, а другіе—младофиннами.

Младофинны требовали расширенія какъ народнаго представительства, такъ и общиннаго самоуправленія. Они желали, чтобы финскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ центральныхъ управленій, съ тѣмъ только, чтобы, бумаги, касающіяся шведскаго населенія, писались по шведски. Церковь должна проникнуться истинно-протестантскимъ духомъ, т. е. принципами свободы совѣсти и свободы изслѣдованія. Обязательную конфирмацію слѣдуетъ отмѣнить. Въ экономической области младофинны всегда стремились къ развитію прогрессивнаго обложенія, къ равномѣрному распредѣленію земельнаго налога, къ свободѣ промысловъ, къ развитію самодѣятельности рабочаго класса и улучшенію его матеріальнаго положенія.

Въ послѣднее время шведоманы и младофинны соединились въ одну политическую группу, которая носитъ названіе „конституціоналистовъ". Ихъ объединила главнымъ образомъ борьба съ русскими мѣропріятіями. Когда повелѣно было подчинить почту края министру внутреннихъ дѣлъ, а уголовное уложеніе было временно пріостановлено, младофинны запротестовали особенно рѣзко, опасаясь, что русское правительство создастъ нежелательный „преюдикатъ" для введенія другихъ реформъ въ Финляндіи.

Финноманны находятся въ безпрерывной борьбѣ съ шведоманами по вопросамъ внутренней политики и прежде всего языка. Но когда нужно было дать отпоръ русскому правительству, всѣ партіи края дѣйствовали дружно между собою. Вмѣстѣ

онѣ вырабатывали (въ 1878 г.) такой уставъ о воинской повинности, который бы не далъ возможности слить финскія войска съ русскими. Вмѣстѣ онѣ протестовали противъ русскаго проекта устава о воинской повинности на сеймѣ 1899 года. Одинаково обѣ партіи признаютъ Финляндію за отдѣльное государство. Въ основу бытія Великаго Княжества финноманы положили исключительно начала шведской государственности. Вслѣдствіе этого финноманы прониклись, такъ-сказать, шведоманской „враждебностью къ русской государственной идеѣ". Это господство шведоманскихъ началъ въ политическихъ воззрѣніяхъ финскаго общества затрудняетъ для русской власти возможность пользоваться дѣятелями финноманскаго лагеря при осуществленіи общегосударственныхъ задачъ. Шведоманы-же въ извѣстныхъ случаяхъ имѣютъ такимъ образомъ союзниковъ въ своихъ политическихъ врагахъ финнахъ. Но тѣмъ не менѣе между старофиннами и шведоманами въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи наблюдается замѣтная разница. Старофинны болѣе признаютъ подчиненность Финляндіи Россіи, а въ нѣкоторыхъ практическихъ вопросахъ склоняются къ возможности сближенія съ русскимъ народомъ и государствомъ, насколько такое сближеніе не является опаснымъ для финской національности. Противодѣйствіе русскому языку также проявлено было весьма различно: старофинноманы понимали значеніе сего языка и сознавали необходимость и права русскаго правительства на введеніе его въ дѣлопроизводствѣ сената, другія-же политическія партіи въ своемъ ослѣпленіи возстали противъ сего элементарнаго и безспорнаго требованія Рос-

сіи. Въ борьбѣ съ объединительными мѣропріятіями финны держались болѣе законной почвы; шведоманы-же признавали всѣ средства дозволенными, вплоть до убійства изъ-за угла, лишь бы они вели къ цѣли. Все нелегальное, проявленное за послѣдніе годы въ столь значительныхъ размѣрахъ въ Финляндіи, дѣло рукъ преимущественно шведомановъ и ихъ подголосковъ младофинновъ: они наводнили край подпольной литературой, ввозили оружіе, организовали партію активнаго сопротивленія, составили озлобленный Народный Катехизисъ и пр.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе программъ наличныхъ политическихъ партій показываетъ, что у русскаго правительства не только нѣтъ среди нихъ союзниковъ и доброжелателей, но въ большинствѣ случаевъ и по главнымъ государственнымъ вопросамъ всѣ партіи дружно ополчаются противъ Россіи. Общая государственная жизнь Финляндіи съ Имперіей отвергается всѣми партіями. Благоразуміе, спокойствіе и нѣкоторая доля признательности къ Россіи скорѣе способны проявиться въ средѣ старофинномановъ, чѣмъ другихъ партій. Чувствуется, что русское правительство легче могло-бы договориться со старофинноманами, чѣмъ съ конституціоналистами. Но нельзя забывать, что и старофинны въ своей программѣ выставили признаніе Великаго Княжества особымъ государствомъ, добиваются своего войска, своей таможни, монеты и пр. Въ виду сего остается опасеніе, что старофинноманы, ставъ у власти, поведутъ ту-же политику, какую ведутъ теперь конституціоналисты, и такъ какъ партія многочисленна и за нею

стоитъ народъ, то она можетъ представить изъ себя солидную оппозиціонную силу русскимъ государственнымъ стремленіямъ объединительнаго свойства.

Въ послѣднее время старофинны стали дѣйствовать въ союзѣ съ рабочими. Рабочій вопросъ возникъ въ Финляндіи лѣтъ 30—40 тому назадъ и теперь рабочее движеніе сдѣлалось факторомъ, съ которымъ необходимо считаться. Существуетъ большое количество рабочихъ союзовъ, имѣющихъ въ общей сложности болѣе 10 тысячъ членовъ; возникли газеты, исключительно посвященныя интересамъ рабочихъ; организованы рабочіе съѣзды. Соціалъ-демократы образовали весьма значительную политическую силу. Дѣлаетъ въ Финляндіи большіе успѣхи также и анархическое движеніе.

XIV.

Русскіе голоса въ литературѣ.

И такъ, подводя маленькій итогъ сдѣланному краткому обозрѣнію, приходится сказать, что до царствованія Александра II жизнь Финляндіи для русскаго общества протекала незамѣтно; біеніе ея политическаго пульса не чувствовалось. Но затѣмъ обстоятельства измѣнились. Въ Россіи начались реформы. Финляндія получила сеймъ. Въ краѣ ожила политическая жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сказались истинныя чувства и стремленія финляндцевъ. Ни тѣ, ни другія не склонялись въ сторону Россіи и русскаго народа. Земскіе чины Финляндіи заговорили тономъ представителей самостоятельнаго государства; они не пожелали имѣть въ своей средѣ лицъ, состоявшихъ на службѣ въ Россіи: русскіе являлись для нихъ иностранцами. Короче, — сепаратизмъ сказался весьма опредѣлено и даже въ вызывающей формѣ. Политическія партіи края огласили свои программы. Глаза у русскихъ стали открываться.

Русскіе весьма доброжелательно встрѣтили успѣхи финляндцевъ въ политической области и дружно, и тепло поздравили ихъ съ открытіемъ

сейма. И. С. Аксаковъ писалъ: „Наконецъ въ Финляндіи сеймъ, — сеймъ такъ давно желанный, жданный и обѣтованный! Финляндія ликуетъ и празднуетъ, и Россія искреннимъ сердцемъ радуется вполнѣ законной и свѣтлой радости честнаго, трезваго, здороваго финляндскаго населенія... Это событіе, т. е. сеймъ, произведетъ конечно сильное дѣйствіе на общественное мнѣніе Европы и докажетъ ей, какъ спокойно и свободно могутъ жить и благоденствовать подъ покровомъ Россіи даже совершенно чуждыя ей народности, если только ихъ развитіе совершается не въ духѣ вражды и ненависти къ Россіи. Какъ мало стремленія у насъ, русскихъ, обрусить не русскихъ. Напротивъ, Россіи можно сдѣлать упрекъ именно въ томъ, что она слишкомъ легко допускала къ себѣ пропаганду иноземную". И дѣйствительно, насильственной руссификаціи Финляндія никогда не подвергалась. Финляндское юношество всегда обучалось на своемъ природномъ языкѣ. Университетъ въ Гельсингфорсѣ неизмѣнно оставался инородческимъ. „Мы должны надѣяться,—продолжалъ Аксаковъ,—что финляндскій сеймъ обратитъ наконецъ вниманіе на положеніе русскихъ въ Финляндіи и дастъ имъ возможность пользоваться правами, предоставленными кореннымъ финляндцамъ". (Н. Барсуковъ. Жизнь Погодина. кн. XX, стр. 232—234; „День", 1863 г., № 37).

Но вмѣстѣ съ привѣтствіями русскіе высказали и иной взглядъ на политическія домогательства Финляндіи. Какъ только опредѣленныя заявленія финляндскихъ государственниковъ достигли Москвы, Катковъ не оставилъ ихъ безъ отвѣта. Со свойственной ему опредѣленностію и прямотой

онъ написалъ: „Не только шведскія, но и финскія газеты, но даже нѣкоторыя петербургскія изданія, усиленно хлопочущія о расчлененіи Россійской Имперіи, стараются оправдать вражду финномановъ къ Россіи тѣмъ, что финляндцы не могутъ признавать Россію своимъ отечествомъ на томъ-де основаніи, что Финляндія и Россія самостоятельныя государства, соединенныя между собою лишь посредствомъ персональной уніи“. Толковать о какой-то персональной уніи между Россіей и Финляндіей „есть или политическое невѣжество, или грубый обманъ“... Финляндскій сеймъ ни разу не созывался съ 1809 по 1863 годъ, и въ это полстолѣтіе ни о какомъ „финляндскомъ вопросѣ“ не было помину, и никому ни въ Швеціи, ни въ Финляндіи, ни въ Петербургѣ въ голову не приходило толковать о какомъ-то „личномъ соединеніи“. Государь, по благости своей, позволилъ финляндцамъ обсуждать свои мѣстныя нужды въ особомъ сеймѣ, и тотчасъ же политическіе интриганы набросились на этотъ лакомый кусокъ и стали доказывать, что оказанная имъ поблажка есть неотъемлемое ихъ право, что Финляндія не входитъ въ составъ Россійской Имперіи, а является какимъ-то особымъ государствомъ, случайно соединеннымъ съ Россіей!..“ Особенно горячо Катковъ отнесся къ утвержденію гельсингфорскихъ юристовъ, что финляндцы, живущіе въ Россіи, не должны пользоваться политическими правами въ Финляндіи. „Нахожденіе на русской службѣ“,—писалъ московскій трибунъ,—не можетъ сокращать ихъ политическихъ правъ.

Выдающійся нашъ юристъ, профессоръ А. Лохвицкій, издалъ въ 1862 г. „Обзоръ современныхъ

конституцій“. Въ этой книгѣ, говоря о Финляндіи, онъ заявилъ, что она „не есть страна, находящаяся въ личномъ соединеніи съ Россіей, на основаніи европейскихъ трактатовъ, какъ Польша. Она по праву есть провинція, принадлежность Россіи, стоящая внѣ международнаго права. Но тѣмъ не менѣе автономія ея очень велика, болѣе нежели многихъ государствъ“...

О Финляндіи вообще заговорили. Статьи о ней замелькали въ русскихъ изданіяхъ. Мнѣнія раздѣлились. Но чаще и больше стали указывать на нѣкоторыя ненормальности въ политическомъ ея положеніи и обращать вниманіе на сепаратизмъ въ ея печати, законахъ, стремленіяхъ. Наконецъ въ восьмидесятыхъ годахъ выступилъ К. Ф. Ординъ съ цѣлымъ изслѣдованіемъ о Финляндіи, основаннымъ на архивныхъ первоисточникахъ, которыми онъ отвергалъ теорію финляндской государственности. Сочиненія Ордина явились эрой въ исторіи нашихъ воззрѣній на политическое положеніе Финляндіи. Они освѣтили новымъ и яркимъ свѣтомъ работу финляндскихъ обособленниковъ. Около капитальной книги Ордина завязался горячій споръ. Финляндцы съ жаромъ старались опровергнуть положенія Ордина. Но у Ордина оказались сильные союзники и явились немалочисленные послѣдователи. К. И. Якубовъ, Ѳ. П. Еленевъ, проф. Н. М. Коркуновъ, проф. Н. С. Таганцевъ, М. М. Бородкинъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій и др. не только поддерживали воззрѣнія подобныя тѣмъ, которыя высказалъ К. Ф. Ординъ, но развили ихъ и обосновали новыми данными. Всѣ эти ученые и публицисты не руссификаціи финляндцевъ желали и не уничтоженія мѣстнаго самоуправленія добивались.

Они ратовали за сближеніе Финляндіи съ Россіей, стояли за объединеніе въ вопросахъ общегосударственныхъ, за полноправіе русскихъ въ Финляндіи и за уничтоженіе (безъ вреда для края) эмементовъ государственной обособленности. По ихъ мнѣнію, не „актъ соединенія" положенъ въ основу государственнаго отношенія Россійской Имперіи къ Вел. Кн. Финляндскому, какъ выразился профессоръ Н. С. Таганцевъ, а „актъ присоединенія", указывающій обывателямъ края ихъ мѣсто „въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ". Говоря словами того-же Таганцева, Финляндія есть нераздѣльная часть единаго Россійскаго государства, „пользующаяся самостоятельнымъ управленіемъ *лишь* по внутреннимъ своимъ дѣламъ и имѣющая особое, только въ отношеніи сихъ дѣлъ, мѣстное законадательство".

Одно изъ главныхъ положеній названныхъ писателей удачно формулировалъ профессоръ Н. М. Коркуновъ, когда онъ писалъ:

„Въ Финляндскомъ вопросѣ главная суть заключается вовсе не въ существованіи мѣстной автономіи, не въ томъ, что въ Финляндіи есть сеймъ, ограничивающій власть Великаго Князя... отчужденность Финляндіи отъ Россіи—это совсѣмъ другое дѣло. Русскіе, завоевавшіе и удерживающіе подъ скипетромъ своего Монарха Финляндію, должны по крайней мѣрѣ имѣть право не считаться въ Финляндіи иностранцами, не натыкаться среди единой русской территоріи на таможенную границу. Отчужденность эта и мѣстная автономія вовсе не связаны другъ съ другомъ необходимымъ образомъ. Проповѣданіе финляндскими публици-

стами теоріи о реальной уніи между Россіей и Финляндіей вовсе не ограничивается однимъ сбереганіемъ мѣстной автономіи. Эта теорія приводитъ къ отчужденію отъ Россіи завоеванной нами области. Сенаторъ Мехелинъ не даромъ такъ усиленно подчеркиваетъ, что Финляндія управляется только Великимъ Княземъ и никѣмъ другимъ. Онъ очевидно хочетъ этимъ выразить, что до самой Россіи Финляндіи нѣтъ никакого дѣла, что она знаетъ только русскую династію".

На борьбу со стремленіемъ финляндцевъ къ этой отчужденности и направлены были преимущественно труды названной группы писателей, которую финляндцы почему-то считаютъ врагами своей автономіи и культуры. И автономію, и культуру они признаютъ; имъ желательно только, чтобы развитіе автономіи и національныхъ особенностей не исключали начала нашего государственнаго права и не поддерживали антогонизма по отношенію къ намъ Финляндіи.

XV.

Поворотъ къ объединительной политикѣ и общегосударственное законодательство.

Наше правительство не осталось глухимъ къ голосу русскихъ людей и вскорѣ дѣла Финляндіи стали подвергаться нѣкоторому контролю, а главное—правительство завело рѣчь о необходимости теснѣйшаго единенія этой окраины съ остальными частями Имперіи. На весь вредъ отсутствія контроля надъ финляндскимъ законодательствомъ со стороны русскихъ вѣдомствъ указывалъ еще въ царствованіи Александра II въ своей статьѣ И. С. Аксаковъ. Онъ высказался тогда въ томъ смыслѣ, что финляндскія узаконенія не слѣдовало-бы распубликовывать ранѣе, чѣмъ одно изъ высшихъ учрежденій—Государственный Совѣтъ, Комитетъ министровъ или Сенатъ,—не входя въ существо и детали проекта, не выскажется: нѣтъ-ли въ проектѣ чего либо вреднаго по отношенію къ русскимъ интересамъ.

Ближайшій поводъ къ примѣненію подобнаго контроля далъ проектъ новаго уголовнаго уложенія. При составленіи его финляндцы считались съ новѣйшими научными теченіями на Западѣ,

но совершенно игнорировали русское уголовное законодательство и естественные интересы и права Имперіи. Не смотря, напримѣръ на то, что въ международныхъ отношеніяхъ Финляндія всецѣло поглощается общимъ понятіемъ Россіи, въ новое уложеніе введены были постановленія изъ этой области, говорившія о неподсудности дипломатическихъ агентовъ и о внѣшней безопасности Финляндіи. Съ другой стороны, въ новомъ уложеніи позабыли указать на случай вооруженнаго сопротивленія Россійскимъ властямъ, на наказуемость заговора и т. п. Государственныя преступленія обложены были слабыми наказаніями и даже денежными штрафами. (Юридич. лѣтопись. 1891 г., № 2 Н. Таганцева).

Уложеніе было утверждено (1890 г.) Верховною властью. Но ознакомясь съ его содержаніемъ, К. Ф. Ординъ забилъ тревогу и въ рядѣ статей доказалъ несостоятельность новаго закона. Подлежащія власти обратили вниманіе на дѣло и Высочайшимъ манифестомъ (1 дек. 1890 г.) Уложеніе было пріостановлено введеніемъ въ дѣйствіе, потому что оно нарушало государственные интересы и достоинство Россіи. Законъ передали на разсмотрѣніе русскихъ юристовъ и одинъ изъ нихъ, извѣстный криминалистъ Н. С. Таганцевъ, весьма основательно указалъ на общій и весьма существенный пробѣлъ какъ въ учрежденіяхъ Финляндіи, такъ и въ законахъ Имперіи. Интересы Финляндіи при изготовленіи каждаго законопроекта являются весьма хорошо обезпеченными мѣстнымъ сенатомъ, сеймомъ и статсъ-секретаріатомъ. „Но кто же изъ нихъ можетъ охранять интересы Имперіи, если таковые затрогиваются такъ или иначе вновь

вводимыми мѣстными узаконеніями?“ Названныя учрежденія края, состоя исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, не могутъ этого сдѣлать. Да на нихъ подобная обязанность закономъ и не возложена. Сенаторы и министръ статсъ-секретарь могутъ при этомъ быть лица совершенно не знакомыя съ законами Россіи. Въ 1834 году генералъ-губернатору дана была возможность, по его усмотрѣнію вносить нѣкоторыя дѣла въ комитетъ министровъ. Положеніе это вошло даже въ законъ Имперіи, но осталось забытой мертвой буквой. Такимъ образомъ, представлялась настоятельно необходимой соотвѣтственная реформа. Нужно было создать „такой порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ, при которомъ бы, въ силу закона, могли принимать участіе въ той или иной формѣ, соотвѣтственныя учрежденія Имперіи“.

Около того-же времени нѣкоторымъ учрежденіямъ Имперіи пришлось высказать свои заключенія по проекту основныхъ законовъ Финляндіи, и по Высочайшему повелѣнію состоялось учрежденіе (въ 1893 г.) Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Н. Х. Бунге, гдѣ вновь обстоятельства побудили остановиться на вопросѣ объ общегосударственныхъ законахъ, равно необходимыхъ какъ для Имперіи, такъ и для Великаго Княжества Финляндскаго. Законы этого рода ранѣе издавались и именовались то указомъ, то манифестомъ, то Высочайшимъ повелѣніемъ. Имѣвшіяся правила касались только порядка изданія мѣстныхъ финляндскихъ законовъ. Но опредѣленныхъ правилъ относительно составленія, внесенія, разсмотрѣнія и утвержденія общегосударственныхъ узаконеній не существовало. Между тѣмъ въ та-

кихъ правилахъ издавна встрѣчалась потребность въ виду, съ одной стороны, невозможности подчиненія общегосударственныхъ цѣлей интересамъ мѣстнымъ или областнымъ, а съ другой—необходимости и послѣдніе принимать въ должное соображеніе, насколько того требуютъ особыя условія, въ которыхъ находится Финляндія, а равно насколько они совмѣстны съ общегосударственными цѣлями.

Совѣщаніе Бунге признало, что проекты общегосударственныхъ законовъ подлежатъ разсмотрѣнію окончательно въ Государственномъ Совѣтѣ. Но далѣе мнѣнія раздѣлились: меньшинство, состоявшее исключительно изъ финляндскихъ членовъ Совѣщанія, желало установить точный перечень тѣхъ предметовъ, которые должны были относиться къ области общегосударственнаго законодательства, большинство-же находило невозможнымъ составленіе сего перечня и проектировало предоставить рѣшеніе сего вопроса по каждому данному случаю власти Государя Императора. Проекты Совѣщанія Бунге не получили дальнѣйшаго движенія за смертью Императора Александра III.

Прошло нѣсколько лѣтъ и тотъ-же вопросъ силою обстоятельствъ вновь былъ поднятъ. На этотъ разъ (въ 1898 г.) образовано было Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича, „для начертанія законодательнаго акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, касающихся Имперіи и Финляндіи“. Совѣщаніе усмотрѣло, что Финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи

Имперіи Россійской. По волѣ Россійскихъ Монарховъ, край этотъ получилъ особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ и преимуществъ и особаго церковнаго устройства; законы края не только сохраняютъ свое дѣйствіе, но получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіи потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ единеніе ея съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ учрежденій, а достигнутое Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ благосостояніе свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ его выгодамъ. Тѣмъ не менѣе взаимныя отношенія Имперіи и Великаго Княжества оказались недостаточно опредѣленными. Великое Княжество Финляндское, управляемое подъ Верховною властью Всероссійскаго Императора, на основаніи особенныхъ учрежденій, составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго Государства. Поэтому, независимо отъ условій быта финляндскаго края и его нуждъ, нѣкоторые предметы, требующіе законодательнаго опредѣленія для этого края, имѣютъ столь тѣсную связь съ общегосударственными потребностями цѣлой Имперіи, что было бы несовмѣстно со строемъ общеимперскаго законодательства разрѣшать этого рода вопросы исключительнымъ дѣйствіемъ органовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Очевидно, что предначертанные въ разрѣшеніе такихъ вопросовъ законопроекты, пройдя въ установленномъ порядкѣ чрезъ Финляндскій сеймъ, подлежатъ, на общемъ основаніи, соображенію въ законодательномъ учрежденіи Государства Россійскаго, откуда должны восходить

на окончательное утвержденіе Верховною властью Монарха. Въ этомъ только случаѣ могутъ быть, по всей справедливости, обезпечены, безъ ущерба мѣстнымъ интересамъ Финляндіи, пользы населенія Имперіи.

Труды этого Совѣщанія удостоились Высочайшаго утвержденія и при манифестѣ 3 февраля 1899 г. опубликованы были „Основныя Положенія“ объ изданіи общегосударственныхъ законовъ. Сими положеніями установлено, чтобы каждый законъ, издаваемый для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, а также законъ, примѣняемый въ предѣлахъ Великаго Княжества, но касающійся общегосударственныхъ интересовъ, или связанный съ законодательствомъ Имперіи, восходилъ съ заключеніями сената или сейма на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, при участіи въ немъ съ правомъ голоса генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря и не менѣе двухъ финляндскихъ сенаторовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя Финляндія и управляется по особому порядку, но въ то-же время она входитъ въ составъ Россійскаго Государства. Поэтому, особый ея порядокъ можетъ касаться законодательнаго и административнаго управленія только по предметамъ, не затрогивающимъ интересовъ Имперіи. Поэтому-же компетенція сейма нисколько не умалена закономъ 3 февраля 1899 года. Въ вопросахъ общегосударственныхъ сеймъ можетъ, очевидно, имѣть значеніе ограна только совѣщательнаго. До сего времени не было, да и не могло быть закона, въ силу котораго финляндскія учрежденія, сенатъ или сеймъ, были бы призваны окончательно рѣшать

вопросы, касающіеся всего Государства Россійскаго. Такимъ образомъ манифестъ 3 февраля соотвѣтствуетъ элементарнымъ началамъ всякаго государственнаго права.

Изданіемъ манифеста 3 февраля 1899 года разрѣшенъ былъ коренной вопросъ въ финляндскомъ дѣлѣ. Мѣстное финляндское законодательство отдѣлялось отъ общеимперскаго и притомъ такъ, что первое предоставлялось вполнѣ разработкѣ самихъ финляндцевъ, а по второму—требовалось только ихъ участіе, ихъ мнѣніе. Въ Россіи это воззрѣніе встрѣчено было сочувственно и въ финляндскій вопросъ внесена была значительная ясность и опредѣленность.

Такимъ образомъ въ 1899 г. рѣшили вопросъ о порядкѣ общегосударственнаго законодательства, но другой, связанный съ нимъ вопросъ, о контролѣ надъ мѣстнымъ финляндскимъ законодательствомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ въ составѣ мѣстнаго закона не могли бы проходить положенія общегосударственнаго свойства,—остался открытымъ и поставленъ былъ на очередь (хотя неудачно) въ наши дни. Съ учрежденіемъ Государственной Думы порядокъ общегосударственнаго законодательства долженъ былъ подвергнуться коренному измѣненію. Попытка его разрѣшенія на новыхъ началахъ изложена нами въ главѣ XIX.

XVI.

Объединительныя мѣропріятія. Время Н. И. Бобрикова.

Сознанный принципъ общегосударственной связи выразился въ рядѣ практическихъ мѣропріятій по управленію. Начало царствованія Императора Александра III явилось какъ бы продолженіемъ предъидущаго періода. Чины сейма получили право моцій, финскія войска были дополнены сформированіемъ кавалерійскаго полка, права финскаго языка были расширены и проч. Но затѣмъ среди царствованія Императора Александра III произошелъ весьма замѣтный поворотъ въ отношеніяхъ русскаго правительства къ Финляндіи. Вызванъ онъ былъ (помимо указаннаго въ главахъ XIV и XV) главнымъ образомъ двумя обстоятельствами. Съ одной стороны домогательства финляндцевъ сдѣлались крайне неумѣренными, а съ другой—всѣмъ давно было очевидно, что „Финляндская окраина остается настолько же чуждой намъ, насколько была во дни ея завоеванія".

Въ январѣ 1890 года состоялось повелѣніе выработать проекты почтоваго, таможеннаго и

монетнаго объединенія Финляндіи съ соотвѣтственными учрежденіями Имперіи. Финляндія пришла въ движеніе и начался тотъ періодъ противодѣйствія русскимъ государственнымъ требованіямъ, который продолжается вплоть до нашихъ дней. „О тревожномъ настроеніи въ краѣ", вызванномъ этими мѣропріятіями, доложили Монарху. Въ отвѣтъ послѣдовалъ знаменательный рескриптъ отъ 28 февраля 1891 г., въ которомъ говорилось о томъ, что намѣченными мѣропріятіями Верховная Власть имѣла въ виду „достиженіе болѣе тѣснаго единенія" и что въ намѣренія Монарха вовсе не входило измѣнять „начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія".

Русское правительство осталось вполнѣ вѣрнымъ этимъ принципамъ и ни въ чемъ существенно не умалило правъ финляндцевъ по ихъ самоуправленію. Оно желало исключительно государственнаго объединенія и политическаго сближенія; финляндцы-же этому упорно противодѣйствовали, разглашая по Россіи и Европѣ, что у нихъ отнимаютъ дарованныя права и привиллегіи, что самодержавная власть домогается полнаго уничтоженія общественнаго строя въ Финляндіи и что, наконецъ, имѣется въ виду обрусѣніе финновъ.

Ни историческій ходъ дѣла, ни распоряженія правительства въ теченіи послѣднихъ лѣтъ сихъ жалобъ и протестовъ финляндцевъ не оправдываютъ.

Наибольшее недовольство вызвала военная реформа. Она была начата съ цѣлью устраненія отчужденности и обособленности финскихъ войскъ,

ибо никакая часть неразрывной державы не нуждается въ своей отдѣльной вооруженной силѣ. У финскихъ-же войскъ оказались свои многочисленныя учрежденія, своя присяга, свои традиціи и никакой духовной связи съ русской арміей, никакихъ общихъ съ нею задачъ и завѣтовъ. Россію они защищать не желали, Финляндію отстоять не могли. Ихъ наличность давала только основаніе говорить объ атрибутѣ мнимаго финляндскаго государства.

Финляндія не всегда отказывалась защищать Россію. Было время, когда финляндскіе генералы иначе смотрѣли на дѣло и находили, что предназначеніе финскихъ войскъ исключительно для охраны Балтійскаго побережья можетъ даже лечь на нихъ пятномъ и вызвать нерасположеніе русскихъ. Въ 1822 г. дивизіонный командиръ финскихъ войскъ, генералъ-маіоръ Густавъ Эрнротъ, всеподданнѣйше ходатайствовалъ передъ Государемъ о томъ, чтобы финскимъ войскамъ предоставлено было „право раздѣлить съ остальными войсками Его Величества честь защиты Имперіи". Положеніе 1812 г. устанавливало, что финскія войска будутъ употребляться только для защиты Финляндіи и Балтійскаго моря. Подобное постановленіе, писалъ Эрнротъ, „можетъ опозорить ихъ чувства въ глазахъ ихъ новыхъ *соотечественниковъ*", а потому генералъ просилъ, какъ милости для истинныхъ воиновъ, чтобы имъ разрѣшили „сражаться вездѣ, гдѣ прикажетъ имъ ихъ Монархъ". Благородное рвеніе было оцѣнено, конечно, Государемъ и разрѣшеніе дано. Съ распространеніемъ-же сепаратистскихъ тенденцій, измѣнились и воззрѣнія на задачи финскихъ войскъ.

Финляндцы видятъ теперь въ Россіи лишь „со-сѣдку, чужое государство“ и потому не желаютъ умирать за облагодѣтельствовавшую ихъ Россію!

Въ виду сего манифестомъ 29 іюня 1901 года финскія войска были упразднены. Агитаціонная печать усмотрѣла въ этомъ упраздненіи исключительно недовѣріе къ финской націи, усилила протесты, вызывала всякаго рода неповиновенія и кончилось тѣмъ, что революціонерамъ удалось на время поднять противъ новаго закона о воинской повинности часть финскаго населенія, указаніемъ на то, что уставъ изданъ не въ порядкѣ, установленномъ основными законами Финляндіи. Но это не вполнѣ такъ. Въ 1878 году уставъ о воинской повинности дѣйствительно прошелъ через сеймъ, которому данъ былъ рѣшающій голосъ. Но въ 1899 г. усмотрѣно было, что вопросы по оборонѣ Имперіи и безопасности границъ, должны быть относимы къ разряду общегосударственнаго законодательства и окончательно разсматриваться въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ Имперіи. Въ виду положенія, установленнаго манифестомъ 3 февраля 1899 года, сейму (въ 1899 г.) оставленъ былъ, при разсмотрѣніи устава о воинской повинности, лишь голосъ совѣщательный. Слѣдовательно, правительство поступило вполнѣ правильно: оно сперва установило новый порядокъ изданія общеимперскихъ законовъ, а затѣмъ, на основаніи его, провело уставъ о воинской повинности.

Другія реформы объединительнаго характера, проведенныя во время управленія Финляндіей генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова (1898—1904 г.), сводились главнымъ образомъ къ слѣдующему:

Водворенъ былъ русскій языкъ въ сенатѣ.

Число уроковъ русскаго языка увеличено въ финляндскихъ лицеяхъ и учреждены инспекторы преподаванія русскаго языка.

Издана новая инструкція генералъ-губернатору, существенно расширившая его власть.

Учреждена первая русская газета.

Намѣченъ и начался пересмотръ: сеймоваго законодательства, учебныхъ плановъ мѣстной средней школы и нѣкоторыхъ ихъ учебниковъ.

Проектировано желѣзнодорожное соединеніе постройкою моста черезъ Неву и приведено въ порядокъ дѣло по мобилизаціонной готовности этихъ дорогъ.

Начата громадная работа по обезпеченію надѣлами безземельнаго населенія.

Проектирована новая каѳедра въ Гельсингфорскомъ университетѣ по русской исторіи, русскому праву и государствовѣдѣнію.

Поднятъ вопросъ о коренной реформѣ лоцманскаго вѣдомства и обращено вниманіе на необходимость сравненія правъ судовъ, приписанныхъ къ портамъ Имперіи.

28 октября 1903 года состоялось постановленіе о правѣ уроженцевъ коренной Россіи пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи.

По вопросу о военныхъ расходахъ возбуждалось ходатайство о передачѣ русской казнѣ части тѣхъ ассигнованій, которыя по финляндскому бюджету были опредѣлены на содержаніе финскихъ (затѣмъ упраздненныхъ) войскъ.

Русскіе люди допущены на гражданскую службу въ Финляндіи.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что объединительныя мѣропріятія недавно минувшаго періода никакого „крестоваго похода“ противъ финляндской культуры въ себѣ не заключали. Ни въ правящихъ сферахъ, ни въ русской серьезной печати никто нивеллировки и ассимиляціи не требовалъ. Національно-духовной самобытности финновъ никогда не касались. Говорящіе о „насильственной руссификаціи“ или безсознательно повторяютъ финляндскую ложь, или намѣренно клевещутъ на наше правительство. Никогда русское правительство не смѣшивало государственнаго единства съ племеннымъ и никогда оно поэтому не посягало на духовную свободу инородцевъ и не стремилось къ уничтоженію этнографическихъ особенностей. Въ нашей литературѣ давно уже высказано безспорное положеніе, что „государственное единство не значитъ мертвое однообразіе частей; полное государственное единство совмѣстимо съ полною свободою и самостоятельностью частей, лишь бы только самостоятельность не заключала въ себѣ фальшиваго стремленія образовать особое государственное тѣло“.

XVII.

Сопротивленіе финляндцевъ государственному объединенію.

На объединительныя мѣропріятія русскаго правительства Финляндія отвѣтила почти всеобщимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Идея ея возникла уже въ 1891 году, когда появилась статья профессора гельсингфорскаго университета барона Р. Вреде „Обзоръ положенія въ странѣ“. Статья широко распространялась путемъ подпольной разсылки. Дабы спасти основные законы Финляндіи—писалъ шведоманъ Вреде въ то время, когда правительство приступало къ объединительнымъ преобразованіямъ,—необходимо, чтобы министръ статсъ-секретарь не контрасигнировалъ нежелательныхъ финляндцамъ Высочайшихъ повелѣній и манифестовъ, чтобы сенатъ не распубликовывалъ ихъ, чтобы судьи не обращали вниманія на отсрочку дѣйствія уголовнаго уложенія. Кромѣ того, сеймъ обязанъ единодушно протестовать, общество не должно идти на встрѣчу новымъ русскимъ требованіямъ, родителямъ вмѣняется въ обязанность не обучать своихъ дѣтей русскому языку и тому подобное.

Такъ финляндцы и поступили. Въ Финляндіи организовался тайный патріотическій союзъ, въ составъ котораго вошли преимущественно шведоманы и младофинны. Этотъ союзъ примѣнилъ на практикѣ теорію пассивнаго сопротивленія и для этого организовалъ тайные оппозиціонные съѣзды, подавалъ шумные адресы-протесты, устраивалъ разныя демонстраціи и уличныя выходки, усилилъ эмиграцію, бойкотировалъ умѣренныхъ и спокойныхъ, препятствовалъ призывнымъ исполнить свой долгъ по уставу о воинской повинности. Мало-помалу всѣ слои общества были втянуты въ это пассивное сопротивленіе. Губернаторы (изъ шведовъ) проявляли явное попустительство, учителя агитировали среди учениковъ, часть духовенства проповѣдывало противодѣйствіе съ церковныхъ каѳедръ, собирало деньги на смуту и допустило политическія демонстраціи въ храмахъ.

На стадіи пассивнаго сопротивленія финляндцы удержались недолго. Японская война и политическія движенія внутри Россіи придали дерзости финляндцамъ и дѣло перешло къ активной борьбѣ. Первою жертвою ея палъ генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, убитый финляндскимъ чиновникомъ Евгеніемъ Шауманомъ (3 іюня 1904 года) въ стѣнахъ сената. Дѣло отца убійцы—бывшаго сенатора В. Шаумана—раскрыло очень многое изъ плановъ главныхъ дѣятелей смуты. „Настало время,—значилось въ революціонномъ планѣ В. Шаумана,—когда мы сами должны взяться за защиту самихъ себя и нашихъ семей". И потому онъ, какъ бывшій офицеръ генеральнаго штаба, предложилъ организовать стрѣлковыя артели. Его сынъ, Евгеній Шауманъ, занимался вопросомъ о снаб-

женіи сихъ тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ скорострѣльнымъ оружіемъ, а другой сынъ, Павелъ Шауманъ, интересовался вопросомъ о близости возстанія въ Финляндіи. Затѣмъ начался широкій подвозъ оружія, какъ для Финляндіи, такъ и для русскихъ революціонныхъ группъ, объединившихся для низверженія существовавшаго тогда строя въ Имперіи. Финляндскіе агенты скупали оружіе преимущественно въ Швейцаріи на японскія деньги. Такимъ образомъ дѣятельность финляндскихъ революціонеровъ перешла далеко за предѣлы пассивнаго сопротивленія и за предѣлы ихъ страны.

Сами финляндцы весьма точно опредѣлили свою роль въ общерусскомъ революціонномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ („Fria ord“ отъ 11 ноября 1902 года). „Намъ нѣтъ болѣе основаній воздерживаться отъ единенія съ русской оппозиціей, съ тѣми русскими, которыхъ оффиціально называютъ революціонерами. Поляки, малоросы, остзейцы, евреи, кавказцы—ни одна изъ этихъ группъ не обладаетъ способностью собирать вокругъ себя остальныя. Въ виду этого наше содѣйствіе можетъ стать и, безъ сомнѣнія, станетъ большою цѣнностью для русской оппозиціи... Мы съумѣемъ стать ядромъ, вокругъ котораго соберутся остальные оппозиціонные элементы, мы можетъ способствовать организаціи силъ, составленію практически выполнимой программы и общаго плана политической работы“.

Въ началѣ 1906 года вышла, отпечатанная въ Гельсингфорсѣ, брошюра подъ заглавіемъ „Прибавленіе къ книгѣ „Революціонная Россія“ (Supplement till det Revolutionära Ryssland). Авторъ этой брошюры извѣстный революціонеръ Конни Цилліа-

кусъ, игравшій весьма видную роль вмѣстѣ съ Л. Мехелинымъ, нынѣшнимъ вице-президентомъ сената, на съѣздѣ русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ осенью 1904 года. Изъ признанія К. Цилліакуса видно, что финляндцы дѣйствительно стали вождями революціи въ Россіи. Авторъ брошюры пишетъ: „Сближеніе между революціонными партіями и организаціями состоялось въ Парижѣ въ 1904 году. Ранѣе отдѣльныя оппозиціонныя партіи въ русскомъ государствѣ никогда не дѣйствовали сообща, а, наоборотъ, находились во взаимной враждѣ и въ лучшемъ случаѣ смотрѣли другъ на друга съ глубокимъ недовѣріемъ. Общее положеніе теперь указывало вожакамъ различныхъ партій, что наступило время для совмѣстной работы. Финляндская партія революціонеровъ взяла на себя временно, требуемую обстоятельствами, иниціативу сліянія разныхъ партій, не согласныхъ между собою. Финляндская партія косвенно уже оказала немаловажныя услуги освободительному движенію въ Россіи, пріобрѣтеніемъ симпатіи всей міровой прессы къ своей борьбѣ противъ абсолютизма. Члены финской партіи сдѣлались центральнымъ ядромъ, вокругъ котораго могли собираться отдѣльные оппозиціонные элементы. Такимъ образомъ для согласныхъ дѣйствій послѣдовало всеобщее сліяніе: либераловъ, революціонеровъ-соціалистовъ, антисоціалистовъ, русскихъ, поляковъ, армянъ, грузинъ, евреевъ, латышей и др. Далѣе авторъ указываетъ на работу земства, на революціонное движеніе, начавшееся на окраинахъ, убіеніе великаго князя Сергія Александровича, на бунтъ въ Черноморскомъ флотѣ, на желѣзнодорожныя и телеграфныя забастовки и проч., какъ на достигнутые ре-

зультаты объединенной и совмѣстной дѣятельности делегатовъ разныхъ революціонныхъ партій.

Конечная цѣль финляндскихъ революціонеровъ—возможная независимость и самостоятельность ихъ родины. Открыто она не высказывается. Осуществится-же она чрезъ тѣ политическія формы, кои развиваютъ совмѣстно всѣ поголовно финляндскіе политики. Ихъ дѣятельность началась національистическимъ сепаратизмомъ, а кончится, вѣроятно, тѣмъ, что нигдѣ, ни въ законахъ, ни на дѣлѣ, не окажется признаковъ, указывающихъ на зависимость Финляндіи отъ Россійской Имперіи. Къ этому они идутъ съ чрезвычайной выдержкой и рѣдкой систематичностью. Въ наши дни они стараются о томъ, чтобы не засѣдать въ Государственной Думѣ и такимъ образомъ охранить свою обособленность. Главная надежда возлагается на скорое и полное банкротство Россіи и на ея военное безсиліе. „Завоеванные и порабощенные силой народы окружаютъ (уже) Россію пылающимъ кольцомъ бунта и революціи“, остальное довершитъ революція внутри Имперіи. Эти „порабощенные народы“, обладая высшей культурой и высшимъ родомъ просвѣщенія, будутъ добиваться независимой польской республики для поляковъ, финляндской—для финновъ и т. д.

Сверхъ всего изложеннаго нельзя упускать изъ вида также и того, что въ Финляндіи зарождается уже идея панфиннизма. Конечно, она пока еще очень слаба, мало замѣтна, но при финляндской выдержкѣ нельзя относиться къ ней совершенно безразлично.

Уже на школьной скамьѣ, подростку финну внушается что „Богъ опредѣлилъ финскому на-

роду быть образцомъ и учителемъ многихъ бѣдныхъ родственныхъ ему племенъ, которыя разсѣяны по русской землѣ. Вѣдь цѣль Бога въ этомъ отношеніи ясна... А когда число населенія, число финновъ достигнетъ 12 милліоновъ“... Составитель учебника не договорилъ своей мысли, но она понятна: когда въ Финляндіи будетъ 12 милліоновъ, она объединитъ всѣ финскія племена, живущія теперь въ Россіи, и будетъ могущественнымъ государствомъ. Это выводъ не произвольный. Его подсказываютъ болѣе чѣмъ опредѣленно другіе финляндскіе писатели, напримѣръ, Іогани Ахо и Лейно, которые широко раздвигаютъ горизонты будущей великой финской державы.

Іогани Ахо писалъ:.. „Финляндія то-же, чѣмъ нѣкогда была Греція, и финскій народъ есть второй эллинскій народъ... Развѣ мы не такъ-же побѣдоносно боролись съ насиліемъ, какъ и греки? У насъ были свои Ѳермопилы и Саламинъ и мы также спасали западную цивилизацію... У грековъ былъ Гомеръ,—у насъ есть Калевала!... И кто знаетъ, можетъ быть, когда-нибудь выйдетъ изъ нашей среды новый Александръ Великій, который объединитъ всѣ финскія племена, низвергнетъ Персію (Россію?), явится основателемъ великой финской всемірной державы и понесетъ нашу цивилизацію далеко въ глубь темной Азіи“...

Лейно подновилъ и расширилъ планы Ахо. „Необходимо создать въ Европѣ новую культуру... Надо проявить себя въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ. Молодые люди, разбросанные по финляндскимъ пустырямъ, выходите! Наступилъ вашъ чередъ. Пора финскому медвѣдю проснуться“.

Одинъ изъ шведскихъ писателей, видимо, озна-

комившись съ духомъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній Финляндіи, вложилъ въ уста финскаго студента слѣдующія слова: „Мы помнимъ, что на ледяномъ побережьѣ у Колы, въ суровыхъ окрестностяхъ Архангельска, въ снѣжныхъ тундрахъ Сибири и въ пустынной землѣ „чуди“ обитаетъ безмолвная толпа финскихъ братьевъ, ожидающая избавленія отъ мрака и мученій. Мы ждемъ своего Александра, своего завоевателя, который пойдетъ, предшествуемый финляндскимъ знаменемъ и сопровождаемый финской культурой. Съ его появленіемъ настанетъ нашъ день и тогда мы выступимъ гордые и свободные. Тогда гордые борцы Сѣвера внесутъ блага цивилизаціи въ полярныя страны, тогда Швеція вновь войдетъ въ свои границы отъ Зунда до рѣки Торнео, а юная и великая Финляндія объединитъ свое царство отъ Балтики до Берингова пролива, охватывая Ледовитый океанъ. Будемъ ждать; эта надежда поддержитъ насъ вплоть до новой, отрадной великой борьбы“...

Въ 1879 году по русской Кареліи путешествовалъ нѣкто Эрвастъ. Его „сердце усиленно билось“, когда въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ онъ слышалъ финскую рѣчь и когда мѣстные обыватели ему говорили: „здѣсь не Россія, а Карелія!“ Въ разговорѣ съ карелами Эрвастъ старался убѣдить ихъ не презирать своего языка и не отдавать предпочтеніе передъ нимъ русскому. Попутно онъ ратовалъ противъ русскихъ школъ и русскихъ фамилій карелъ. „Подавленный, полный тоски стонъ слышится изъ Кареліи, писалъ онъ; можемъ-ли мы, въ правѣ-ли мы быть глухими къ нему?.. Надо помнить, что работая надъ сохраненіемъ финской самобытности въ Кареліи,

мы тѣмъ самымъ работаемъ надъ собственнымъ сохраненіемъ. Если мы окажемъ имъ ту помощь, которую должны оказать, то съ полнымъ основаніемъ можемъ надѣяться, что побѣда въ концѣ-концовъ будетъ за ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за нами, и прекрасная Карелія не будетъ осквернена (русской) иноземщиной. А затѣмъ засіяетъ снова тотъ день, когда у финской родины будутъ тѣ самыя обширныя границы, которыя были у нея въ прошломъ до раздѣла ея на двѣ части шведами съ запада, русскими съ востока. Голосъ крови не будетъ тогда говорить непонятнымъ языкомъ, а біенію сердца съ западной стороны (горъ) Маансельки отвѣтитъ такое-же біеніе съ другой стороны: единая Финляндія будетъ заключать въ своихъ нѣдрахъ тѣхъ и другихъ".

Финляндскія газеты нашихъ полны статьями и стихотвореніями о необходимости пріобщенія русской Кареліи (т. е. Олонецкой и части Архангельской губерніи) къ Финляндіи. („Окраины Россіи" 1906, № 19).

Сообщенными свѣдѣніями о панфиннизмѣ вовсе не имѣется въ виду возбужденіе недовѣрія къ нашимъ согражданамъ инородцамъ или призывъ къ стѣсненію ихъ національнаго движенія. Они въ правѣ помнить свою исторію, развивать свой языкъ и любить свою народность. Національный подъемъ финновъ, евреевъ, татаръ и другихъ инородцевъ долженъ вызвать въ русскихъ „бóльшую заботу о собственной народности и о сохраненіи за нею той роли, которую она можетъ играть въ Россіи, въ интересѣ и для блага всѣхъ другихъ".

XVIII.

Кн. Ив. Оболенскій и д. т. с. Герардъ.

Политика объединенія продолжалась только до 1904 года, когда въ іюнѣ мѣсяцѣ отъ руки убійцы палъ наиболѣе вѣрный и талантливый представитель этой политики, генералъ-адъютантъ Бобриковъ. Его послѣдовательно замѣнили слабые и безличные князь Иванъ Оболенскій и Н. Н. Герардъ.

Рескриптомъ 1904 года князю Ивану Оболенскому предписывалось вести Финляндію къ „тѣснѣйшему единенію съ Имперіей“. Но князь Оболенскій оказался не только безъ малѣйшей подготовки для той должности, которую онъ смѣло взялся исполнить, но и вообще безъ всякихъ административныхъ способностей. Его, очевидно, выдвинули случай, титулъ и придворныя связи. Онъ не обладалъ даже достаточнымъ обыденнымъ тактомъ. Онъ началъ съ поголовнаго и громкаго осужденія дѣйствій своего предмѣстника и критики распоряженій В. К. Плеве. Самъ же кн. Оболенскій сталъ дѣйствовать безъ всякой системы и программы. Выработать ихъ было ему не подъ силу. „По пріѣздѣ въ Финляндію, онъ съ презрительной суровостью принялъ русскихъ служа-

щихъ“, найдя, что ихъ слишкомъ много въ краѣ! Во время объѣзда своего генералъ-губернаторства, онъ изощрялъ краснорѣчіе на сплошномъ осужденіи русскихъ порядковъ вообще и судебныхъ въ частности. Два-три первыхъ шага, сдѣланныхъ новымъ начальникомъ края и неудержимый потокъ празднословія сразу дали понять финляндцамъ съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Пріемъ служебныхъ докладовъ начинался у князя около 11 или 12 час. дня, завтракъ продолжался отъ часу до половины третьяго, а вскорѣ послѣ него наступалъ „потѣхи часъ“, продолжавшійся до поздняго вечера и состоявшій изъ смѣны винта, кэкъуокомъ, цыганскими пѣснями, музыкой и прочими развлеченіями“. (См. Революція въ Финляндіи при кн. Ив. Оболенскомъ, СПБ. 1905 г. стр. 4, 32 и др.). Соотвѣтственно сему пошли, конечно, и дѣла во ввѣренной ему окраинѣ.

Ошибка слѣдовала за ошибкой. Прежде всего крайне несвоевременно упразднили финляндскій военный округъ и тѣмъ русская власть собственными руками удалила изъ края большую часть русскаго образованнаго и вліятельнаго общества! Финляндцы ободрились и посмѣивались надъ недальновидностію нашего правительства. Потомъ неожиданно и по мотивамъ совершенно необъяснимымъ, кн. Оболенскій сталъ ходатайствовать о возвращеніи въ край всѣхъ административно удаленныхъ. Ихъ, конечно, имѣлось въ виду вернуть, но моментъ для этого былъ выбранъ кн. Оболенскимъ совершенно неудобный. Изгнанные пріѣхали во время засѣданія сейма и вновь заняли на немъ первенствующее руководящее положеніе. Финляндскіе революціонеры окончательно воспря-

нули духомъ, оцѣнивъ по достоинству слабость заискивавшей русской власти въ краѣ. Едва вернулись агитаторы, сеймъ въ полномъ своемъ составѣ забастовалъ, выставивъ правительству, въ особой петиціи, требованія о немедленной отмѣнѣ всѣхъ объединительныхъ мѣропріятій времени Бобрикова. Земскіе чины въ данномъ случаѣ дѣйствовали совмѣстно „съ таинственнымъ кружкомъ" (революціонеровъ), стоявшимъ внѣ сейма. Петиція была дерзка и по тону, и по содержанію. Земскіе чины заявили, что не признаютъ Высочайшаго манифеста 3 февраля 1899 года за обязательный для Финляндіи законъ; они настаивали на удаленіи русскихъ чиновниковъ изъ края, а русскаго государственнаго языка изъ дѣлопроизводства сената. Сеймъ настойчиво добивался „немедленной отмѣны призыва (новобранцевъ) и прекращенія дальнѣйшаго примѣненія устава о воинской повинности". Князь Оболенскій помчался въ Петербургъ и дѣйствіе устава о воинской повинности было пріостановлено. По частямъ, время отъ времени, дѣлались и другія уступки забастовавшему и обструкціонному сейму.

Тѣмъ временемъ партія активнаго сопротивленія убила прокурора сената Іонсона и подполковника Крамаренко, а также тяжело ранила бомбой помощника генералъ-губернатора В. Ф. Дейтриха и тремя револьверными выстрѣлами—Выборгскаго губернатора Н. А. Мясоѣдова. Никто не былъ особенно озабоченъ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ противъ начавшихся въ Финляндіи политическихъ убійствъ.

Благодаря непослѣдовательности въ нашей окраинной политикѣ и дряблости представителя

русской власти, революція въ Финляндіи крѣпла и разросталась. Финляндцы поняли, что для нихъ насталъ весьма благопріятный моментъ. Князя Оболенскаго о всемъ своевременно увѣдомляла и предостерегала полиція; но онъ, считая себя самымъ выдающимся администраторомъ въ Россіи, или ничего не читалъ, или относилъ тревожныя извѣстія къ разряду фельетонныхъ сообщеній. Его безпечность облегчила доставку цѣлыми пароходами боевого оружія въ Финляндію. Въ финляндскихъ газетахъ открыто печатались телеграммы о томъ, что „оружія (въ Улеоборгѣ) довольно, охотниковъ (въ національную гвардію) болѣе чѣмъ достаточно". (Uusi Suometar, 1905 г., № 254). „Пришлите сюда (въ гор. Нисальми) немедленно 200 ружей и одинъ пулеметъ".

Когда оружія въ краѣ оказалось достаточно, то финляндскіе революціонеры рѣшили привести въ исполненіе давно задуманный планъ переворота съ цѣлью достичь независимости отъ русской власти. Въ октябрѣ 1905 года въ Финляндіи была объявлена генеральная забастовка. Толпа окружила домъ генералъ-губернатора и потребовала, чтобы кн. Оболенскій немедленно отказался отъ своей должности, а сенаторы—ушли въ отставку. Князь Оболенскій совершенно растерялся, принималъ всѣхъ наглыхъ депутатовъ, приглашалъ ихъ даже сѣсть для переговоровъ. Тѣ разваливались передъ нимъ на стульяхъ и грубо диктовали свои требованія. Онъ на все соглашался. Ему подали, наконецъ, проектъ манифеста объ отмѣнѣ всѣхъ законоположеній бобриковскаго періода. Проектъ былъ составленъ однимъ изъ главныхъ агитаторовъ Л. Мехелинымъ. Князь покорно

отправилъ проектъ въ Петербургъ, ходатайствуя объ его утвержденіи. Незадолго до революціи онъ высказался противъ созыва чрезвычайнаго сейма, а теперь онъ указывалъ на его необходимость. Въ первомъ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (отъ 28 дек. 1904 г.) онъ писалъ, что „всякія уступки Финляндіи вообще, а въ переживаемое для Россіи тяжелое время въ особенности, могутъ принести только одинъ непоправимый вредъ государству и будутъ приняты финляндцами не какъ осуществленіе ихъ блага или какъ милость, но лишь какъ доказательства слабости власти и предлогъ къ новымъ еще болѣе дерзкимъ домогательствамъ“. Теперь-же онъ явился первымъ ходатаемъ за всякаго рода уступки и послабленія. Забастовка протекала относительно спокойно; но тѣмъ не менѣе кн. Оболенскійназамѣтно покинулъ свой домъ и поселился на броненосцѣ „Слава“, стоявшемъ въ гавани Гельсингфорса. Въ одномъ донесеніи о событіяхъ этихъ дней тѣмъ не менѣе писалось, что „въ данную минуту (20 окт. 1905 г.) только одинъ генералъ-губернаторъ пользуется довѣріемъ“ финновъ.

22 октября 1905 года состоялся Высочайшій манифестъ *„о мѣрахъ къ возстановленію законнаго порядка въ краѣ“*. Этимъ новымъ законодательнымъ актомъ повелѣвалось пріостановить дѣйствіе основныхъ положеній, объявленныхъ при манифестѣ 3 февраля 1899 года, и отмѣнить: а) постановленіе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, б) инструкцію генералъ-губернатору (1903 г.), в) уставъ о воинской повинности (1901 г.), г) положеніе (1902 г.), коимъ русскимъ чиновникамъ дозволялось служить въ финляндскихъ учреж-

деніяхъ и пр. мѣропріятія объединительнаго характера. Финляндія ликовала! Газеты писали о „красивыхъ результатахъ“, достигнутыхъ общей солидарностью; но про генералъ-губернатора онѣ выразились, что онъ остался чуждъ финскому народу и не проявилъ личной самостоятельности.

6-го ноября кн. Оболенскій, обнявъ передъ тѣмъ и поцѣловавъ капитана революціонной гвардіи Кока, за охраненіе порядка въ дни забастовки, къ общему удовольствію русскаго населенія въ краѣ, выѣхалъ изъ Гельсингфорса въ Петербургъ.

Въ должности генералъ-губернатора его замѣстилъ д. т. с. Николай Николаевичъ Герардъ. Находясь еще въ Петербургѣ, г. Герардъ началъ съ того, что представилъ главнѣйшихъ агитаторовъ края къ занятію самыхъ отвѣтственныхъ должностей въ Финляндіи—т. е. сенаторовъ и губернаторовъ. По пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, онъ выслушалъ привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ. Вслѣдъ за симъ онъ самовольно устранилъ государственный русскій языкъ изъ дѣлопроизводства сената, а самаго себя—отъ фактическаго участія въ засѣданіяхъ этого высшаго учрежденія окраины. Послѣ того началось систематическое устраненіе русскихъ людей изъ всѣхъ учрежденій Финляндіи, поспѣшное снимaніе съ чиновъ полиціи „презираемой финляндцами русской формы“. Видимо, что все это дѣлалось въ разсчетѣ на пріобрѣтеніе расположенія финляндцевъ за счетъ явнаго пренебреженія тѣмъ, что носило на себѣ отпечатокъ русскаго, представителемъ коего онъ самъ являлся.

Возстановленіе „законнаго порядка“ шло очень успѣшно: Мехелинъ составлялъ проекты сокра-

щенія уроковъ русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ, представлялъ списки неугодныхъ финляндцамъ русскихъ чиновъ и новые сокращенные штаты канцеляріи генералъ-губернатора и пр. Министръ статсъ-секретарь А. Лангофъ представлялъ все на утвержденіе, а Н. Н. Герардъ на все безмолвно и безпрекословно соглашался. Мехелинъ написалъ проекты статей, взамѣнъ 4 ст. Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи, Н. Н. Герардъ подписалъ ихъ. Мехелинъ выработалъ новыя правила для русскаго государственнаго языка, Н. Н. Герардъ ходатайствовалъ объ ихъ утвержденіи. Полиція была очищена отъ русскихъ людей, русскіе губернаторы и ландссекретари уволены, русскій начальникъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ перемѣщенъ въ Россію, русскій начальникъ канцеляріи генералъ-губернатора замѣненъ другимъ, болѣе склоннымъ потакать финляндцамъ, цензура финляндскихъ изданій отмѣнена, а единственной русской газетѣ въ Финляндіи воспрещено касаться политики и критиковать дѣйствія кабинета Мехелина.

Слабость и непослѣдовательность нашего правительства, въ лицѣ Н. Н. Герарда, дошла до того, что допустила устраненіе русскаго государственнаго языка изъ дѣлопроизводства сената. Никакая народность, входящая въ составъ Россійской державы, не въ правѣ добиваться устраненія въ какихъ либо отправленіяхъ государственной жизни русскаго государственнаго языка. Языкъ духовное знамя Имперіи и первѣйшее условіе внутренняго объединенія всѣхъ ея составныхъ частей. Отсутствіе духовной связи между центромъ и окраиной—явленіе, конечно, ненормаль-

ное. Всѣ культурныя государства вводили свой языкъ не только въ администрацію, но и въ школу вновь присоединенной къ нимъ области. Въ Англійскихъ, напримѣръ, владѣніяхъ, каждый носящій мундиръ правительства или крупной компаніи, обязанъ говорить по англійски. Въ каждой прочной державѣ нельзя себѣ представить болѣе одного государственнаго языка. Вотъ почему англійское правительство старалось изъять изъ обращенія мѣстные языки въ государственныхъ учрежденіяхъ своихъ обширныхъ колоній. Англійскій языкъ введенъ въ сеймахъ Норманскихъ острововъ, населеніе которыхъ говоритъ по французски. На островѣ Мальтѣ англійскій языкъ тоже признанъ оффиціальнымъ языкомъ (съ 22 марта 1899 года), взамѣнъ мѣстнаго итальянскаго. Нельзя, конечно, себѣ представить, чтобы англійскій администраторъ поставилъ цѣлью своей дѣятельности сокращеніе уроковъ англійскаго языка и изгнаніе англичанъ изъ учрежденій колоніи Великобританіи. Въ Финляндіи дѣятельность представителя русской государственной власти Н. Н. Герарда была именно сосредоточена на удаленіи русскихъ чиновниковъ и сокращеніи области государственнаго языка! Ничего подобнаго въ исторіи другихъ державъ, разумѣется, отыскать невозможно.

Благодаря такимъ пріемамъ восторжествовала финляндская справедливость, а русское „насиліе“ было упразднено.

Отъ русскихъ сотрудниковъ начальникъ края почти отказался. Русскихъ глазъ въ краѣ болѣе не осталось. Между тѣмъ ввозъ оружія продолжался, очевидно, въ виду того, что во время

октябрьской забастовки 1905 г. „правленіе партіи активнаго сопротивленія разъяснило, что по обсужденіи положенія дѣла, партія нашла, что *для начатія военныхъ дѣйствій противъ Россіи оружія у нея недостаточно*“, какъ о томъ значится въ книгѣ Johan Kock'a („Seitseman paiwaa Keskusase malla“, стр. 35. См. также газету „Россія“ 1906 г., № 133). По всей Финляндіи шло формированіе частей красной національной гвардіи. Содѣйствуя ей, Н. Н. Герардъ воспретилъ мѣшать ея военнымъ экзерсиціямъ, не смотря на то, что это войско являлось совершенно нелегальнымъ и не имѣло законно утвержденнаго устава. Газеты края („Hufvudstadsbladet“ и „Framtid“) не скрывали отъ своихъ читателей, что Финляндія, послѣ упраздненія финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, нуждается въ обширной арміи и таковую хотятъ сформировать изъ красной гвардіи. Доставка оружія и кража динамита, какъ оказалось, производились именно для этихъ новыхъ національныхъ ополченцевъ. Въ рядахъ нелегальной красной гвардіи въ настоящее время находится уже нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, въ Финляндіи создалось общество „Силы“ (Woima), которое поставило себѣ цѣлью объединеніе разрозненныхъ частей разныхъ національныхъ ополченій. Надъ боевой организаціей работали также стрѣлковыя общества. Наконецъ, имѣется таинственное общество „Лыжниковъ“. Если вникнуть въ его уставъ, то не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что оно также преслѣдуетъ исключительно боевыя цѣли, ибо всѣ его построенія чисто военнаго характера.

Финляндцы достигли всего чего хотѣли. Имъ не удалось еще легально возстановить только сво-

его войска. При благосклонной помощи Н. Н. Герарда можно думать, что и за этимъ дѣло не станетъ. Годъ тому назадъ финляндцевъ,— совершенно освобожденныхъ отъ несенія тягчайшей государственной повинности,—обязали вносить по 10 милл. марокъ ежегодно въ Русское Казначейство, а уже нынѣ вопросъ объ этой уплатѣ отложенъ на „неопредѣленное время".

Но всего этого финляндцамъ оказалось мало. Они устроили культъ убійцы Евгенія Шаумана. Его возвели въ мировые герои, находя, что онъ сокрушилъ русское иго и насиліе, и избавилъ Финляндію отъ русскаго рабства. (Hufvudstadsbladet, 1906, № 127). Ему собираются воздвигнуть памятникъ славы; день его смерти сдѣланъ почти національнымъ праздникомъ. Въ годовщину убійства Н. И. Бобрикова въ засѣданіи сейма одинъ изъ депутатовъ въ рѣчи восхвалилъ подвигъ Е. Шаумана, „разрушившаго ненависть и угнетеніе и давшаго солнцу свободы взойти надъ цѣлымъ народомъ". („Nya Pressen", 1906, № 160).

XIX.

Финляндскій комитетъ для выработки законопроектовъ.

Послѣ манифеста 22 октября 1906 года въ русскомъ обществѣ и печати укоренилось воззрѣніе, что Финляндія получила самостоятельность и создано новое ея государственно-политическое положеніе, а также укрѣплена ея унія съ Россіей. Въ этомъ кроется значительное недоразумѣніе. Манифестъ отмѣнилъ узаконенія послѣднихъ лѣтъ, коими имѣлось въ виду установить болѣе тѣсную связь Великаго Княжества съ остальными частями Имперіи, но сама Финляндія, какъ была, такъ и остается, окраиной и частью Имперіи. Никакой новой политической самостоятельности ей не было предоставлено; главные акты, установившіе правовое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской Имперіи, остались въ своей силѣ. Какъ до манифеста 22 октября, такъ и послѣ него, Финляндія осталась въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской и составляетъ нераздѣльную ея часть, какъ выражено въ 2 ст. Основныхъ Законовъ. Правительство только уменьшило русское вліяніе на эту окраину, сократило сферу государственнаго языка въ дѣло-

производствѣ и школѣ, удалило своихъ русскихъ чиновниковъ изъ управленій и полиціи и т. п.

Изъ положенія, въ силу котораго Финляндія остается „нераздѣльной частью Имперіи“, вытекаетъ необходимость строгаго согласованія дѣлъ финляндскаго управленія съ интересами Россіи, имѣющими общегосударственное значеніе, а потому вопросъ этотъ долженъ служить предметомъ особыхъ заботъ правительства. Въ дѣйствительности-же этого нѣтъ. Никакой связи между органами общегосударственнаго управленія и финляндскими не существуетъ. Статсъ-секретаріатъ, долженствовавшій служить звеномъ между ними, со времени замѣны русскаго министра статсъ-секретаря генералъ-маіоромъ Лангофомъ, не только не обезпечиваетъ общегосударственныхъ интересовъ Россіи, но, напротивъ, является учрежденіемъ обособляющимъ финляндскую окраину отъ остальныхъ частей Имперіи. Положеніе финляндскаго генералъ-губернатора въ мѣстномъ управленіи, послѣ отмѣны (манифестомъ 22 октября 1905 г.) инструкціи генералъ-губернатору и положенія о финляндскомъ сенатѣ 1903 года, стало настолько маловліятельнымъ и незначительнымъ, что защита этимъ единственнымъ русскимъ лицомъ, находящимся въ составѣ финляндскихъ учрежденій, общегосударственныхъ интересовъ не можетъ быть признана достаточной. Не имѣя никакой инструкціи, ни реальной власти въ управленіи края и поставленный въ физическую невозможность,—за отмѣною (3 мая 1906 г.) русскаго государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ сената,—лично или черезъ своего помощника предсѣдательствовать въ сенатѣ, генералъ-губернаторъ не можетъ болѣе съ успѣ-

хомъ защищать общеимперскіе интересы, ибо сенатъ, кромѣ того, черезъ докладчика финляндца, въ должности министра статсъ-секретаря, получаетъ возможность односторонне, исключительно съ мѣстной точки зрѣнія, освѣщать передъ Монархомъ дѣла финляндскихъ учрежденій. И такъ, русское правительство собственными руками разорвало всякую реальную связь Финляндіи съ Имперіей и закрыло для себя пути къ правильному и всестороннему освѣщенію дѣлъ этой окраины. Съ точки зрѣнія общегосударственныхъ требованій, дѣйствія русскихъ представителей кн. Оболенскаго и Н. Н. Герарда, приведшія къ описанному положенію, совершенно необъяснимы.

Очевидно, что финляндское законодательство нуждается въ извѣстномъ надзорѣ со стороны общеимперскихъ властей и учрежденій, дабы оно еще болѣе не развилось въ невыгодномъ для Имперіи направленіи, не содѣйствовало дальнѣйшему обособленію и отчужденію Финляндіи, долженствующей составлять неотъемлемую часть Россіи. Вслѣдствіе отсутствія одного постояннаго и спеціализированнаго учрежденія для просмотра и провѣрки законопроектовъ, касающихся Финляндіи, они не получали надлежащей согласованности, ни соображенія съ интересами Имперіи. Нынѣшнее положеніе Финляндіи даетъ ей, кромѣ того, легкую возможность вести свою собственную „политику“ и даже „эскамотировать“ русскую власть. Такое положеніе можетъ явиться большимъ соблазномъ для другихъ окраинъ и потому требуетъ особаго вниманія и строгаго отношенія къ финляндскимъ политическимъ домогательствамъ. При продленіи нынѣшнихъ несообразнѣйшихъ поряд-

ковъ трудно ожидать возстановленія нарушенной равноправности и установленія политической солидарности Финляндіи съ Россіей, а также ихъ государственнаго сотрудничества.—Мысль о необходимости учрежденія особаго Комитета для финляндскихъ дѣлъ напрашивалась сама собой и мы видимъ, что она одновременно возникла съ разныхъ сторонъ.

Главный законъ послѣднихъ лѣтъ—манифестъ 3 февраля 1899 года—остается въ силѣ и лишь пріостановлено дѣйствіе основныхъ, приложенныхъ къ нему, положеній „пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ“. Въ манифестѣ 6-го августа 1905 года всенародно провозглашено, что о порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общимъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ указано особо. Въ виду этого, предсѣдатель Государственнаго Совѣта (въ февралѣ 1906 г.) просилъ какъ финляндскаго генералъ-губернатора, такъ и министра статсъ-секретаря сообщить ему свои предположенія по сему предмету. Н. Н. Герардъ отвѣтилъ: „Конечно, нельзя допустить, чтобы законодательныя учрежденія Имперіи были устранены отъ разрѣшенія законодательныхъ вопросовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, а вновь вводимыя въ ней представительныя собранія, безъ сомнѣнія, должны принять участіе въ этой работѣ. Но съ другой стороны широкія права автономіи, дарованныя Великому Княжеству, сохраненіе которыхъ является лучшею гарантіею правильныхъ отношеній Финляндіи къ Имперіи, исключаютъ возможность признанія под-

чиненнаго положенія представительнаго собранія Великаго Княжества по отношенію къ такому-же собранію Имперіи“... „Не менѣе важнымъ представляется вопросъ о порядкѣ возбужденія и предварительной подготовки подобныхъ законопроектовъ“... „Для послѣдняго необходимо, по мнѣнію генералъ-губернатора, учредить Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ особаго лица по непосредственному избранію Государя Императора, въ составѣ финляндскаго статсъ-секретаря и четырехъ членовъ: двухъ по избранію финляндскаго сената и двухъ изъ числа Имперскихъ сенаторовъ. Этому-же Совѣту могло-бы быть предоставлено право давать заключеніе по тѣмъ административнымъ дѣламъ, о которыхъ упомянуто выше и которыя, касаясь обѣихъ частей Россіи, вносятся на Высочайшее усмотрѣніе. Устройство подобнаго Совѣта было-бы, на мой взглядъ, во всякомъ случаѣ, необходимо, такъ какъ нынѣшній порядокъ, при которомъ общегосударственные вопросы докладываются Его Императорскому Величеству безъ тѣхъ гарантій, которыя могли-бы дать подобный Совѣтъ, не можетъ быть признанъ нормальнымъ“.

Одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, предложилъ образованіе подобнаго-же учрежденія. Министръ статсъ-секретарь, отвѣчая предсѣдателю Государственнаго Совѣта, обращалъ вниманіе на то, что позднѣйшее положеніе о Государственной Думѣ 20 февраля 1906 года не содержитъ уже указаній на привлеченіе въ нее выборныхъ отъ Финляндіи и, съ своей стороны, возражая противъ такого привлеченія, находитъ тѣмъ не менѣе необходимымъ учрежденіе совѣщанія изъ русскихъ и финляндцевъ и, разрабо-

танные въ семъ совѣщаніи законопроекты, должны были-бы направляться на обсужденіе въ той части, которая касается Имперіи—въ Государственную Думу, а Финляндіи—въ Сеймъ. Сообразно этому и законы должны, по мнѣнію ген.-м. Лангофа, утверждаться и распубликовываться отдѣльно для Имперіи и отдѣльно для Финляндіи, въ установленномъ для каждой порядкѣ.

Возбужденный вопросъ о Комитетѣ по финляндскимъ дѣламъ обсуждался въ особомъ Совѣщаніи графа Сольскаго одновременно съ предположеніями о порядкѣ общегосударственнаго законодательства. Разработка вопроса о порядкѣ общегосударственнаго законодательства была Совѣщаніемъ пріостановлена, въ виду близости созыва Государственной Думы. Но проектъ учрежденія Комитета по финляндскимъ дѣламъ былъ вполнѣ разработанъ и подлежалъ только поднесенію на утвержденіе Его Императорскаго Величества. Однако въ послѣднюю минуту, 23 апрѣля, г. Герардъ прислалъ слѣдующую телеграмму:

„Мысль объ учрежденіи Финляндскаго Комитета возбуждаетъ въ Финляндіи большое волненіе. Я надѣюсь, что волненіе утихнетъ, ежели будетъ подвергнуто обсужденію (финлянскаго) сената. Считаю очень желательнымъ передать проектъ на заключеніе сената“. Эта телеграмма остановила все дальнѣйшее движеніе дѣла о финляндскомъ Комитетѣ и такимъ образомъ Имперія остается безъ учрежденія, въ которомъ-бы обсуждались законопроекты, касающіеся Россіи и Финляндіи.

XX.

Русская государственная программа.

Все изложенное приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Если Финляндія сдѣлается государствомъ, то исторія начнется съ прежняго, т. е. намъ придется вновь завоевать ее. Дабы не потерять всего того, что достигнуто съ Петра Великаго, необходимо:

1) Назначать на высшія отвѣтственныя должности по финляндскому управленію такихъ лицъ, которымъ не были-бы чужды интересы русскаго государства и русскаго народа.

2) Надлежитъ признать равноправность русскихъ людей въ Финляндіи съ мѣстными гражданами: по службѣ государственной и общественной, по имуществу, въ сферѣ политической и профессіональной дѣятельности, — однимъ словомъ, предоставить русскимъ въ Финляндіи тѣ-же самыя права, которыми финляндцы безпрепятственно пользуются во всей Россіи.

3) Слѣдуетъ ввести государственный языкъ въ дѣлопроизводство высшихъ правительственныхъ установленій, въ предѣлахъ указанныхъ манифестомъ 7-го іюня 1901 года. Въ остальномъ на языкъ

населенія не должно производиться никакихъ посягательствъ.

4) Полезно поддержать и развить въ Финляндіи русскій печатный органъ, учредить при Гельсингфорскомъ университетѣ каѳедры, знакомящія съ Россіей и русской наукой и, наконецъ, отнестись съ особымъ попеченіемъ къ русскимъ училищамъ и интересамъ православныхъ приходовъ.

5) Требуется возвращеніе къ общей русской монетѣ, введенной Императоромъ Александромъ I и уничтоженной Императоромъ Александромъ II.

6) Упраздненіе особой таможенной черты, отдѣляющей Финляндію отъ прочихъ частей Имперіи, въ качествѣ будто-бы особаго государства.

7) Подчиненіе русской правительственной власти—сверхъ почты и телеграфа,—желѣзныхъ дорогъ, а также

8) Лоцманскаго вѣдомства, въ видахъ обезпеченія существенныхъ государственныхъ и стратегическихъ интересовъ.

9) Соединеніе желѣзныхъ дорогъ Россіи и Финляндіи, при посредствѣ моста, построеннаго черезъ Неву, и установленіе между ними прямого пассажирскаго и товарнаго сообщенія.

10) Недопущеніе впредь образованія отдѣльной финляндской арміи или отдѣльныхъ финскихъ воинскихъ частей.

11) Крайне настоятельно установленіе наблюденія русской правительственной власти за финляндскимъ учебнымъ дѣломъ, чтобы оно не направляло своихъ питомцевъ къ полному отчужденію отъ Россіи.

12) Желательно введеніе общаго уголовнаго уложенія, а также судопроизводства и судоустрой-

ства по русскому образцу на мѣстныхъ языкахъ и при мѣстныхъ судьяхъ.

13) Необходимо уравненіе Финляндіи съ прочими частями Имперіи въ несеніи общегосударственныхъ тягостей.

14) Необходимо учрежденіе совѣщательнаго органа изъ представителей русскихъ вѣдомствъ и другихъ спеціалистовъ, для разсмотрѣнія всѣхъ финляндскихъ законопроектовъ, т. е. Комитета по финляндскимъ дѣламъ, безъ рѣшающаго голоса и безъ функціи управленія.

15) Наконецъ, во исполненіе предуказаній Высочайшихъ манифестовъ отъ 6-го августа 1905 года и 20 февраля 1906 года, необходимо подчиненіе общегосударственнаго законодательства всероссійской Государственной Думѣ, при участіи въ ней представителей финляндскаго народа.

XXI.

Литература и пособія.

1. **Абовъ Г.** Густавъ Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія.

2. **Берендтсъ, Эдуардъ.** Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX столѣтіи.

3. **Берендтсъ, Э.** Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи.

4. **Берендтсъ, Э. Н.** Лекціи по административному праву Вел. Кн. Финляндскаго. 2 тома.

5. **Бородкинъ, М. М.** Памяти Финляндскаго генералъ-губернатора Николая Ивановича Бобрикова.

6. **Бородкинъ, М.** Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. С. П. Б. 1905.

7. **Бородкинъ, М.** Финляндія въ русской печати. Библіографическій указатель книгъ и статей о Финляндіи.

8. **Владиміровъ.** Революція въ Финляндіи при князѣ Иванѣ Оболенскомъ.

9. **Гильфердингъ.** Россія и ея инородческія окраины на западѣ. т. II.

10. **Даніельсонъ, І. Р.** По какому пути?

11. **Еленевъ, Ѳ. П.** Финляндскій современный вопросъ.

12. Еленевъ, Ѳ. П. Ученіе о финляндскомъ государствѣ.

13. Еленевъ, Ѳ. П. Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 года о воинской повинности.

14. Еленевъ, Ѳ. П. Отчего побѣдители обращаются иногда въ побѣжденныхъ?

15. Еленевъ, Ѳ. П. Чего достигли и чего домогаются впредь достигнуть финляндцы по пути отпаденія ихъ отъ русской государственной власти.

16. Коркуновъ, Н. М. Финляндскій сеймъ. Юридическая Лѣтопись.

17. Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право.

18. Майковъ, Л. М. Финляндія, ея прошедшее и настоящее.

19. Малышевъ, К. Общее Уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Въ предисловіи обзоръ изданій финляндскихъ постановленій. Хронологическій указатель.

20. Михайловъ, С. К. Юридическое положеніе Финляндіи. Замѣтки по поводу отзыва сейма 1899 года.

21. О правахъ Россіи на Финляндію. Изд. „Друзей свободы и порядка“.

22. Ординъ, К. ф. Покореніе Финляндіи—2 тома.

23. Ординъ, К. ф. О финляндской монетѣ. Историческій очеркъ.

24. Рейнъ, Т. Іоганнъ Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ.

25. Сергѣевскій, Н. Д. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ.

26. Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. I—III. 1808—1859 г.г. Изд. Временной Комиссіи по финляндскимъ законамъ.

27. Современное положеніе русскаго дѣла на Финляндской окраинѣ.

28. **Таганцевъ, Н. С.** Высочайшій манифестъ 1 декабря 1890 года и финляндское Уголовное Уложеніе. Юридич. Лѣтопись, 1891 г., I т.

29. **Финляндская окраина Россіи.** Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго финляндскаго вопроса. Изд. Сер. Петровскій. 3 тома.

30. **Финляндія.** Изданіе Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова.

31. **Шиловскій, П.** Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи.

32. **Изнанка революціи.** Вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства.

Политическая, общественная и литературная газета

ОКРАИНЫ РОССІИ.

Выходитъ разъ въ недѣлю, по Воскресеньямъ.

Подписная цѣна по 1-е января 1907 г.—5 р., за полгода—3 р.

Контора и редакція въ Петербургѣ, Гороховая, № 24.

Въ числѣ ближайшихъ участковъ газеты состоятъ: М. М. Бородкинъ, заслуженный проф. А. С. Будиловичъ, И. И. Булатовъ, П. Г. Бывалькевичъ, заслуженный проф. А. М. Золотаревъ, проф. П. А. Кулаковскій, Н. Л. Мордвиновъ, А. Ѳ. Риттихъ, заслуженный проф. Н. Д. Сергѣевскій и др.
